

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 01 (76). ФЕВРАЛЬ 2026 ГОДА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПРОБЛЕМЫ НАУКИ»
[HTTP://WWW.SCIENTIFICMAGAZINE.RU](http://www.scientificmagazine.ru)

ISSN (pr) 2413-7081
ISSN (el) 2542-0801

9 772413 1708002

ISSN 2413-7081 (Print)
ISSN 2542-0801 (Online)

Научный журнал

№ 1 (76), 2026

Москва
2026

Научный журнал

№ 1 (76), 2026

Российский импакт-фактор: 0,12

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель, главный редактор: Вальцев С.В.

Зам. главного редактора: Кончакова И.В.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Абдуллаев К.Н. (д-р филос. по экон., Азербайджанская Республика), *Алиева В.Р.* (канд. филос. наук, Узбекистан), *Абдулаев Н.Н.* (д-р экон. наук, Азербайджанская Республика), *Аликулов С.Р.* (д-р техн. наук, Узбекистан), *Ананьева Е.П.* (д-р филос. наук, Украина), *Асатурова А.В.* (канд. мед. наук, Россия), *Аскарходжаев Н.А.* (канд. биол. наук, Узбекистан), *Байтасов Р.Р.* (канд. с.-х. наук, Белоруссия), *Бакико И.В.* (канд. наук по физ. воспитанию и спорту, Украина), *Бахор Т.А.* (канд. филол. наук, Россия), *Баулина М.В.* (канд. пед. наук, Россия), *Блейх Н.О.* (д-р ист. наук, канд. пед. наук, Россия), *Боброва Н.А.* (д-р юрид. наук, Россия), *Богомолов А.В.* (канд. техн. наук, Россия), *Бородай В.А.* (д-р социол. наук, Россия), *Волков А.Ю.* (д-р экон. наук, Россия), *Гавриленкова И.В.* (канд. пед. наук, Россия), *Дмитриева О.А.* (д-р ист. наук, Украина), *Глуценко А.Г.* (д-р физ.-мат. наук, Россия), *Гринченко В.А.* (канд. техн. наук, Россия), *Губарева Т.И.* (канд. юрид. наук, Россия), *Гутникова А.В.* (канд. филол. наук, Украина), *Датий А.В.* (д-р мед. наук, Россия), *Демчук Н.И.* (канд. экон. наук, Украина), *Дивненко О.В.* (канд. пед. наук, Россия), *Дмитриева О.А.* (д-р филол. наук, Россия), *Доленко Г.Н.* (д-р хим. наук, Россия), *Есенова К.У.* (д-р филол. наук, Казахстан), *Жамулдинов В.Н.* (канд. юрид. наук, Казахстан), *Жолдошев С.Т.* (д-р мед. наук, Кыргызская Республика), *Зеленков М.Ю.* (д-р.полит.наук, канд. воен. наук, Россия), *Ибадов Р.М.* (д-р физ.-мат. наук, Узбекистан), *Ильинских Н.Н.* (д-р биол. наук, Россия), *Кайракбаев А.К.* (канд. физ.-мат. наук, Казахстан), *Кафтаева М.В.* (д-р техн. наук, Россия), *Киквидзе И.Д.* (д-р филол. наук, Грузия), *Клинов Г.Т.* (PhD in Pedagogic Sc., Болгария), *Кобланов Ж.Т.* (канд. филол. наук, Казахстан), *Ковалёв М.Н.* (канд. экон. наук, Белоруссия), *Кравцова Т.М.* (канд. психол. наук, Казахстан), *Кузьмин С.Б.* (д-р геогр. наук, Россия), *Куликова Э.Г.* (д-р филол. наук, Россия), *Курманбаева М.С.* (д-р биол. наук, Казахстан), *Курпаяниди К.И.* (канд. экон. наук, Узбекистан), *Линькова-Даниельс Н.А.* (канд. пед. наук, Австралия), *Лукиенко Л.В.* (д-р техн. наук, Россия), *Макаров А.Н.* (д-р филол. наук, Россия), *Мацаренко Т.Н.* (канд. пед. наук, Россия), *Мейманов Б.К.* (д-р экон. наук, Кыргызская Республика), *Мурадов Ш.О.* (д-р техн. наук, Узбекистан), *Мусаев Ф.А.* (д-р филос. наук, Узбекистан), *Набиев А.А.* (д-р наук по геонформ., Азербайджанская Республика), *Назаров Р.Р.* (канд. филос. наук, Узбекистан), *Наумов В. А.* (д-р техн. наук, Россия), *Овчинников Ю.Д.* (канд. техн. наук, Россия), *Петров В.О.* (д-р искусствоведения, Россия), *Радкевич М.В.* (д-р техн. наук, Узбекистан), *Рахимбеков С.М.* (д-р техн. наук, Казахстан), *Розьходжаева Г.А.* (д-р мед. наук, Узбекистан), *Романенкова Ю.В.* (д-р искусствоведения, Украина), *Рубцова М.В.* (д-р. социол. наук, Россия), *Румянцев Д.Е.* (д-р биол. наук, Россия), *Самков А. В.* (д-р техн. наук, Россия), *Саньков П.Н.* (канд. техн. наук, Украина), *Селитреникова Т.А.* (д-р пед. наук, Россия), *Сибирцев В.А.* (д-р экон. наук, Россия), *Скрипко Т.А.* (д-р экон. наук, Украина), *Сотов А.В.* (д-р ист. наук, Россия), *Стрекалов В.Н.* (д-р физ.-мат. наук, Россия), *Стукаленко Н.М.* (д-р пед. наук, Казахстан), *Субачев Ю.В.* (канд. техн. наук, Россия), *Сулейманов С.Ф.* (канд. мед. наук, Узбекистан), *Трегуб И.В.* (д-р экон. наук, канд. техн. наук, Россия), *Упоров И.В.* (канд. юрид. наук, д-р ист. наук, Россия), *Федоськина Л.А.* (канд. экон. наук, Россия), *Хилтухина Е.Г.* (д-р филос. наук, Россия), *Цицулян С.В.* (канд. экон. наук, Республика Армения), *Чиладзе Г.Б.* (д-р юрид. наук, Грузия), *Шамишани И.Г.* (канд. пед. наук, Россия), *Шарипов М.С.* (канд. техн. наук, Узбекистан), *Шевко Д.Г.* (канд. техн. наук, Россия).

Подписано в печать:

13.02.2026

Дата выхода в свет:

25.02.2026

Формат 70x100/16.

Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная.

Усл. печ. л. 4,469

Тираж 100 экз.

Заказ № 00161

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«Проблемы науки»

**Территория
распространения:
зарубежные страны,
Российская
Федерация**

Журнал

зарегистрирован

Федеральной службой

по надзору в сфере

связи, информационных

технологий и массовых

коммуникаций

(Роскомнадзор)

Реестровая запись

ПИ № ФС77 - 63075

Издается с 2015 года

Свободная цена

Содержание

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ	4
<i>Тимофеев А.А., Преснов О.М.</i> ЭНЕРГОСБЕРЕГАЮЩИЕ ТЕХНОЛОГИИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ФУНДАМЕНТОВ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	4
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	7
<i>Петрова Н.И.</i> «ЖИЗНЕННЫЕ МОТИВЫ» В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»	7
<i>Петрова Н.И.</i> НЕПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ НАСИЛИЕМ	19
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	32
<i>Гасанова А.А.</i> ПОНЯТИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ФИЛОСОФИИ	32
МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ	34
<i>Эшимова С.Т., Муртазаев С.С.</i> СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОВ ЛЕЧЕНИЯ ГИПЕРТРОФИЧЕСКОГО ГИНГИВИТА У ДЕТЕЙ	34
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	37
<i>Тихонов А.С.</i> ФОРМАЛИЗАЦИЯ ТЕКСТОВЫХ ДНЕВНИКОВ САМОЧУВСТВИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ	37
<i>Белов М.С.</i> ПОСТРОЕНИЕ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ: НЕЙРОСЕМАНТИЧЕСКОЕ КАРТИРОВАНИЕ И МНОГОМЕРНЫЙ АНАЛИЗ КОГНИТИВНЫХ ПРОСТРАНСТВ	39
<i>Бойкова О.В.</i> РАЗВИТИЕ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ С ПОМОЩЬЮ ТРЕНИНГОВ САМОРЕГУЛЯЦИИ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН РАЗНОГО ВОЗРАСТА	45
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	51
<i>Беляева А.С.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТРЕНЕРОВ ПО АДАПТИВНОМУ СПОРТУ С РОДИТЕЛЯМИ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ	51

ЭНЕРГОСБЕРЕГАЮЩИЕ ТЕХНОЛОГИИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ФУНДАМЕНТОВ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Тимофеев А.А.¹, Преснов О.М.²

¹Тимофеев Алексей Анатольевич - студент

²Преснов Олег Михайлович – кандидат естественных наук, доцент
Филиал ИрГУПС «Красноярский институт железнодорожного транспорта»
г. Красноярск

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные энергосберегающие технологии, применяемые при возведении фундаментов зданий. Проанализированы методы минимизации теплопотерь через фундаментные конструкции, являющиеся критическим элементом в тепловом балансе энергоэффективного здания. Особое внимание уделено технологиям утеплённых плитных фундаментов (УШП), системам активного и пассивного использования низкопотенциального тепла грунта, а также применению современных теплоизоляционных материалов с высокими долговечными характеристиками. Показано, что интеграция энергосберегающих решений на этапе проектирования и строительства фундамента позволяет существенно снизить эксплуатационные расходы на отопление, повысить тепловой комфорт и снизить воздействие на окружающую среду.

Ключевые слова: энергоэффективное строительство, фундамент, теплопотери, утеплённая шведская плита (УШП), тепловой аккумулятор, геотепло, теплоизоляция, тепловой мост.

В условиях глобального стремления к устойчивому развитию и рационализации потребления ресурсов повышение энергоэффективности зданий становится приоритетной задачей. Значительная часть теплопотерь (до 20-25%) в малоэтажных и гражданских зданиях происходит через ограждающие конструкции, контактирующие с грунтом, – фундаменты и цокольные перекрытия. Традиционные фундаментные решения (ленточные, столбчатые) часто не учитывают необходимость комплексной теплозащиты, что приводит к образованию «тепловых мостов», промерзанию конструкций и значительным затратам энергии на компенсацию этих потерь.

Целью данной статьи является систематизация и анализ современных энергосберегающих технологий, применяемых в конструкциях фундаментов, оценка их эффективности и перспектив внедрения.

Классификация и принципы энергосбережения в фундаментах.

Энергосберегающие технологии в фундаментостроении можно разделить на две основные группы:

Пассивные технологии: направлены на минимизацию нежелательных теплопотерь за счёт создания непрерывного контура теплоизоляции. Принцип основан на повышении термического сопротивления конструкции.

Активные технологии: предполагают интеграцию инженерных систем, использующих фундамент как элемент для аккумуляции тепла или как теплообменник с грунтом (термосваи, фундаменты-теплообменники).

Ключевым принципом является смещение точки росы и изотермы 0°C в слой наружной теплоизоляции, что исключает промерзание несущего бетона и отсыревание конструкций.

Современные энергосберегающие технологии фундаментов Утеплённая Шведская Плита (УШП)

УШП представляет собой высокоинтегрированную технологию мелкозаглублённого плитного фундамента. Её основные энергосберегающие особенности:

Сплошной слой теплоизоляции: под всей площадью здания укладывается экструдированный пенополистирол (XPS) высокой прочности и с практически нулевым водопоглощением, который исключает теплопотери в грунт.

Интеграция систем отопления: в тело плиты монтируются трубы водяного тёплого пола, превращая фундамент в эффективный низкотемпературный нагревательный элемент с большой теплоотдающей поверхностью.

Термоаккумулирующая способность: массивная бетонная плита накапливает тепло (от системы отопления или солнечной радиации через окна) и постепенно отдаёт его, сглаживая суточные колебания температуры и снижая нагрузку на котельное оборудование.

Утеплённые рёбра жёсткости: по периметру и под несущими стенами создаются утолщённые рёбра, также теплоизолированные снизу и сбоку, что обеспечивает прочность без образования мостов холода.

Эффективность УШП подтверждается снижением расхода энергии на отопление на 25-35% по сравнению с классическими решениями.

Фундаменты с контуром теплоизоляции по схеме «чаша»

Данная технология применима для ленточных и плитных фундаментов. Суть заключается в создании непрерывного контура теплоизоляции (из XPS или напыляемого пенополиуретана) не только под подошвой, но и по вертикальным поверхностям (включая цоколь), а также под отмосткой. Это полностью отсекает мосты холода по периметру здания и предотвращает промерзание грунта в непосредственной близости от фундамента, что также положительно влияет на его долговечность.

Использование тепла грунта (геотермальные системы)

Фундаментные конструкции могут выступать частью систем тепловых насосов «грунт-вода»:

Термосваи: в буронабивные сваи или при их устройстве интегрируются полимерные трубы, по которым циркулирует незамерзающий теплоноситель. Свая работает как вертикальный грунтовой теплообменник, отбирая низкопотенциальное тепло земли.

Фундаментные коллекторы: горизонтальные петли труб укладываются в траншеи ниже глубины промерзания или непосредственно в подготовку под плитный фундамент. Несмотря на меньшую удельную эффективность, чем у вертикальных зондов, они дешевле и проще в монтаже при новом строительстве.

Материалы для теплоизоляции фундаментов

Выбор материала критически важен из-за агрессивной среды (влажность, давление, циклы замораживания). Основные требования: низкая теплопроводность ($\lambda \leq 0,034$ Вт/м·К), высокая прочность на сжатие (≥ 200 кПа), нулевое водопоглощение и биостойкость.

Экструдированный пенополистирол (XPS): является эталонным материалом благодаря закрытой ячеистой структуре.

Напыляемый пенополиуретан (ППУ): образует бесшовное покрытие, идеально повторяющее рельеф, обладает высоким адгезией и теплозащитными свойствами. Требуется квалифицированного нанесения и защиты от УФ-излучения.

Вспененное стекло (пеностекло): абсолютно влаго- и паронепроницаемый, негорючий, химически инертный материал с высокой прочностью. Применение ограничено высокой стоимостью.

Экономический и экологический эффект

Капитальные затраты на возведение энергосберегающих фундаментов на 15-30% выше традиционных. Однако срок окупаемости за счёт экономии на энергоносителях

составляет, по разным оценкам, 3-7 лет. Дополнительный эффект достигается за счёт сокращения «мокрых» процессов в отделке (сухие полы в УШП), увеличения полезной площади и повышения комфорта. С экологической точки зрения снижается потребление ископаемого топлива и выбросы CO₂.

Заключение

Внедрение энергосберегающих технологий при строительстве фундаментов перестало быть нишевым решением и переходит в разряд стандарта для ответственного строительства. Технологии, такие как УШП и фундаменты с контуром теплоизоляции, демонстрируют комплексный подход, решая одновременно задачи несущей способности, теплозащиты и интеграции инженерных систем. Дальнейшее развитие связано с совершенствованием материалов (в т.ч. биоразлагаемых утеплителей), цифровизацией проектирования (BIM-моделирование тепловых потоков) и более глубокой интеграцией с системами рекуперации и возобновляемой энергетики. Учёт энергоэффективности на начальном этапе – при проектировании фундамента – является наиболее экономически оправданной стратегией для создания зданий с низким энергопотреблением.

Список литературы

1. СНиП 23-02-2003 "Тепловая защита зданий". – М.: Госстрой России, 2003.
2. *Шерешевский И.А.* Конструкции гражданских зданий. – М.: Архитектура-С, 2005.
3. *Бодров В.И., Петров К.С.* Энергоэффективные фундаменты: теория и практика // Строительные материалы и технологии. – 2020. – № 4. – С. 45-51.
4. *Гагарин В.Г., Козлов В.В.* Теплозащита ограждающих конструкций зданий, контактирующих с грунтом. – М.: АСВ, 2018.
5. Федерация европейских ассоциаций по отоплению, вентиляции и кондиционированию воздуха (REHVA). Справочник по зданиям с практически нулевым потреблением энергии. – Брюссель, 2019.

«ЖИЗНЕННЫЕ МОТИВЫ» В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» Петрова Н.И.

Петрова Надежда Ильинична – пенсионер
г. Новосибирск

Аннотация: А.Н. Леонтьев говорит, что «...целсообразование выступает в качестве важнейшего момента движения той или иной деятельности субъекта» [1, 106]. «...роль общей цели выполняет осознанный мотив, превращающийся благодаря его осознанности в мотив – цель» [1, 105]. В статье анализируются мотивы-цели некоторых героев романа Л.Н. Толстого «Война и мир»

Ключевые слова: император, солдаты, главнокомандующий, ополченцы, войска, сражение, залпы орудий, война, армия.

Толстой говорит, что в июле 1805 года в высшем петербургском обществе много говорили, что у нас война, что Австрия никогда не хотела и не хочет войны, что она предает нас; Россия одна должна быть спасительницей Европы, что «Пруссия уже объявила, что Бонапарте непобедим и что вся Европа ничего не может против него...» [2, 8]. В октябре 1805 года русские войска занимали села и города эрцгерцогства Австрийского, и еще новые полки приходили из России и, отягощая постоем жителей, располагались у крепости Браунау. «В Браунау была главная квартира главнокомандующего Кутузова» [2, 135]. «Были дела при Ламбахе, Амштетене и Мельке;...» [2, 178]. Толстой говорит, что 28-го октября Кутузов с армией перешел на левый берег Дуная и в первый раз остановился, положив Дунай между собой и главными силами французов. 30-го он атаковал находившуюся на левом берегу Дуная дивизию Мортье и разбил ее. Остановка при Кремсе и победа над Мортье значительно подняли дух войска. Было послано известие об этой победе к австрийскому двору, императору Францу, «находившемуся уже не в Вене, которой угрожали французские войска, а в Брюнне» [2, 179]. Привезенное известие было принято радостно. «Назначено было благодарственное молебствие. Кутузов был награжден Марией-Терезией большого креста, а вся армия получила награды» [2, 192]. Толстой говорит, что 12-го ноября кутузовская боевая армия, стоявшая лагерем около Ольмюца, «готовилась к следующему дню на смотр двух императоров – русского и австрийского» [2, 283]. Был смотр австрийских и русских войска, как свежих, пришедших из России, так и тех, которые вернулись из похода с Кутузовым. Оба императора «делали этот смотр союзной восьмидесятитысячной армии» [2, 291]. На другой день после смотра, говорит Толстой, был военный совет, на котором участвовали все члены гофкригсрата и оба императора. «На совете, в противность мнению стариков – Кутузова и князя Шварценберга, было решено немедленно

наступать и дать генеральное сражение Бонапарту» [2, 298]. «На другой день войска выступили в поход...» [2, 301]. В высших сферах армии с полдня 19-го числа началось сильное хлопотливо-возбужденное движение, «продолжавшееся до утра следующего дня, 20-го ноября, в который дано было столь памятное Аустерлицкое сражение» [2, 307]. Толстой говорит, что адъютант Кутузова не мог не спросить его о том, что он думает о завтрашнем сражении? Кутузов, помолчав, ответил: «Я думаю, что сражение будет проиграно, и я так сказал графу Толстому и просил его передать это государю». В десятом часу вечера «Вейротер с своими планами переехал на квартиру Кутузова, где и был назначен военный совет» [2, 310]. Вейротер был полным распорядителем предполагаемого сражения, говорит Толстой. Кутузов занимал небольшой дворянский замок около Остралиц. Кутузов в расстегнутом мундире сидел в «волтеровском» кресле и почти спал. Вейротер взглянул на Кутузова и, убедившись, что он спит, взял бумагу и громким однообразным тоном начал читать диспозицию будущего сражения. «Диспозиция была очень сложная и трудная» [2, 311]. «Генералы, казалось, неохотно слушали трудную диспозицию» [2, 312]. После обсуждения диспозиции, говорит Толстой, Кутузов проснулся, тяжело откашлялся и оглянул генералов. «Господа, диспозиция на завтра, даже на нынче (потому что уже первый час), не может быть изменена, – сказал он. – Вы ее слышали, и все мы исполним наш долг. А перед сражением нет ничего важнее... (он помолчал) как выспаться хорошенько». «Он сделал вид, что привстает. Генералы откланялись и удалились» [2, 314]. Толстой говорит, что в пять часов утра еще было совсем темно. Войска центра, резервов и правый фланг Багратиона стояли еще неподвижно; но на левом фланге колонны пехоты, кавалерии и артиллерии, «долженствовавшие первые спуститься с высот, для того чтобы атаковать французский правый фланг и отбросить его, по диспозиции, в Богемские горы, уже зашевелились и начали подниматься с своих ночлегов» [2, 321]. Колонны двигались, не зная куда и не видя от окружавших людей, от дыма и от усиливающегося тумана «ни той местности, из которой они выходили, ни той, в которую они вступали» [2, 322]. Завязалось дело над речкою Гольдбахом. Не рассчитывая встретить внизу над речкою неприятеля и нечаянно в тумане наткнувшись на него, русские лениво и медленно перестреливались с неприятелем. Так началось дело для первой, второй и третьей колонны, которые спустились вниз. «Четвертая колонна, при которой находился сам Кутузов, стояла на Працеских высотах» [2, 324]. Толстой говорит, что спереди и сзади двигалась пехота. Главнокомандующий стоял на выезде деревни, пропуская мимо себя войска. Кутузов в это утро казался изнуренным и раздражительным. «Шедшая мимо его пехота остановилась без приказа, очевидно, потому, что впереди что-нибудь задержало ее» [2, 327]. Кутузов стоял всё на том же месте и, старчески опустившись на седле своим тучным телом, тяжело зевал, «закрывши» глаза. Войска не двигались, «а стояли ружья к ноге» [2, 328]. По дороге из Працена скакал как бы эскадрон разноцветных всадников. Это были два императора со свитой. Толстой говорит, что Кутузов, с аффектацией служаки, находящегося во фронте, скомандовал «смирно» стоявшим войскам и, салютуя, подъехал к императору. Вся его фигура и манера вдруг изменились. Он принял вид подначальственного, нерассуждающего человека. «Он с аффектацией почтительности, которая, очевидно, неприятно поразила императора Александра, подъехал и салютовал ему» [2, 329]. «Что же вы не начинаете, Михаил Ларионович?» – поспешно обратился император Александр к Кутузову. «Я поджидаю, ваше величество», – отвечал Кутузов, почтительно наклоняясь вперед. Император пригнул ухо, слегка нахмурясь и показывая, что он не расслышал. «Поджидаю, ваше величество, – повторил Кутузов. – Не все колонны еще собрались, ваше величество». Государь расслышал, говорит Толстой, но ответ этот, видимо, не понравился ему; он пожал сутуловатыми плечами. «Ведь мы не на Царицыном Лугу, Михаил Ларионович, где не начинают парада, пока не придут все полки», – сказал государь. «Потому и не начинаю, государь, – сказал звучным голосом Кутузов, – что

мы не на параде, и не на Царицыном Лугу, – выговорил он ясно и отчетливо. Толстой говорит, что в свите государя на всех лицах, мгновенно переглянувшихся друг с другом, выразился ропот и упрек. «Как он ни стар, он не должен бы, никак не должен бы говорить этак», – выразили эти лица. Государь пристально и внимательно посмотрел в глаза Кутузову, ожидая, не скажет ли он еще чего. «Но Кутузов, с своей стороны, почтительно нагнув голову, тоже, казалось, ожидал. Молчание продолжалось около минуты» [2, 330]. «Впрочем, если прикажете, ваше величество», – сказал Кутузов, поднимая голову и снова изменяя тон на прежний тон тупого, нерассуждающего, но повинующегося генерала» [2, 330,331]. Толстой говорит, что он тронул лошадь и, подзвав к себе начальника колонны Милорадовича, передал ему приказание к наступлению. «Войско опять зашевелилось, и два батальона Новгородского полка и батальон Апшеронского полка тронулись вперед мимо государя» [2, 331]. Кутузов, сопровождаемый своими адъютантами, поехал шагом за карабинерами. Налево внизу стрельба становилась слышнее. Кутузов остановился, разговаривая с австрийским генералом. «Посмотрите, посмотрите, – говорил адъютант, глядя не на дальние войска, а вниз по горе перед собой. – Это французы!» Два генерала и адъютанты, говорит Толстой, стали хвататься за трубу, вырывая ее один у другого. Все лица вдруг изменились, и на всех выразился ужас. Французов предполагали за две версты от нас, а они явились вдруг, неожиданно перед нами. Но в тот же миг всё застлалось дымом, раздалась близкая стрельба, и наивно испуганный голос закричал: «Ну, братцы, шабаш!» И как будто голос этот был команда. Толстой говорит, что по этому голосу все бросились бежать. Смешанные, все увеличивающиеся толпы бежали назад к тому месту, где пять минут тому назад войска проходили мимо императоров. «Не только трудно было остановить эту толпу, но невозможно было самим не податься назад вместе с толпой» [2, 332]. «В пятом часу вечера сражение было проиграно на всех пунктах» [2, 344].

Толстой говорит, что в первое время по получении известия об Аустерлицком сражении Москва пришла в недоумение. «Были найдены причины тому невероятному, неслыханному и невозможному событию, что русские были побиты, и всё стало ясно, и во всех углах Москвы заговорили одно и то же» [2, 363]. Причины эти были, говорит Толстой: измена австрийцев, дурное продовольствие войска, неспособность Кутузова, и потихоньку говорили, что молодость и неопытность государя, вверившегося дурным и ничтожным людям. Но войска, русские войска, говорили все, были необыкновенны и делали чудеса храбрости. Солдаты, офицеры, генералы были герои. Но героем из героев был князь Багратион. В воздаянии ему таких почестей лучше всего показывалось нерасположение и неодобрение Кутузова. «Про Кутузова никто не говорил, и некоторые шепотом бранили его, называя придворною вертушкой и старым сатиром» [2, 364]. «С осени 1806 года опять все заговорило о войне с Наполеоном, еще с большим жаром, чем в прошлом году» [2, 393]. В 12-м году, говорит Толстой, дошла весть о войне с Наполеоном до Букарешта, «... (где два месяца жил Кутузов, проводя дни и ночи у своей валашки)...» [3, 36]. Когда еще государь был в Вильне, говорит Толстой, армия была разделена на трое: 1-я армия находилась под начальством Барклая де Толли, 2-я под начальством Багратиона, 3-я под начальством Тормасова. «Государь находился при первой армии, но не в качестве главнокомандующего» [3, 42]. Толстой говорит, что войска отступили от Вильны по разным сложным, государственным, политическим и тактическим причинам. «Потом пришел приказ отступить к Свенцянам и истреблять провиант, который нельзя было увезти» [3, 57]. От Свенцяны отступали дальше до Дриссы, «и опять отступили от Дриссы, уже приближаясь к русским границам» [3, 58]. Армии раздроблены, говорит Толстой, нет единства начальства, Барклай не популярен; но из этой путаницы, раздробления и непопулярности немца-главнокомандующего, с одной стороны, вытекает нерешительность и избежание сражения, с другой стороны, – всё большее и большее негодование против немцев и

возбуждение патриотического духа. «В Смоленске наконец, ...соединяются армии» [3, 105]. Французы подходят к самым стенам Смоленска. Надо принять неожиданное сражение в Смоленске. Сражение дается. Толстой говорит, что убиваются тысячи с той и с другой стороны. Смоленск оставляется вопреки воле государя и всего народа. «Наполеон идет дальше, мы отступаем...» [3, 106]. Толстой говорит, что в высшем петербургском обществе говорили о делах войны, жестоко осуждая Барклая де Толли и находясь в нерешительности, кого бы назначить главнокомандующим. Высказывали предположение о том, что Кутузов был бы тот человек, который удовлетворил бы всем требованиям, но и замечали, что Кутузов, кроме неприятностей, ничего не делал государю. Разве возможно назначить главнокомандующим человека, который не может верхом сесть, засыпает на совете, человека самых дурных нравов! «Никто не возражал на это. 24-го июля это было совершенно справедливо. Но 29 июля Кутузову пожаловано княжеское достоинство» [3, 130]. 8-го августа «Кутузов был назначен полномочным главнокомандующим армий и всего края, занимаемого войсками» [3, 131]. «От Вязьмы было сделано распоряжение Наполеоном для движения прямо на Москву» [3, 133]. Толстой говорит, что 24-го было сражение при Шевардинском редуте. «Наполеон, выехав 24-го к Валуеву, ...наткнулся в преследовании русского арьергарда на левый фланг позиции русских, на Шевардинский редут, и неожиданно для русских перевел войска через Колочу» [3, 187]. Перейдя на левую сторону Колочи, говорит Толстой, Наполеон передвинул всё будущее сражение, и перенес его в поле между Утицей, Семеновским и Бородиным, «(в это поле, не имеющее в себе ничего более выгодного для позиции, чем всякое другое поле в России), и на этом поле произошло всё сражение 26-го числа» [3, 188]. «После потери Шевардинского редута к утру 25-го числа мы оказались без позиции на левом фланге и были поставлены в необходимость отогнуть наше левое крыло и поспешно укреплять его, где ни попало» [3, 189].

«Вон они!.. Несут, идут... Вон они... сейчас войдут...», – слышались вдруг голоса, и офицеры, солдаты и ополченцы побежали вперед по дороге. Из под горы, говорит Толстой, от Бородина поднималось церковное шествие. «Матушку несут! Заступницу!.. Иверскую!..» «Смоленскую матушку», — поправил другой. Ополченцы – и те, которые были в деревне, и те, которые работали на батарее, – побросав лопаты, побежали навстречу церковному шествию. За батальоном, шедшим по пыльной дороге, шли в ризах священники, один старичок в клобуке с причтом и певчими. За ними солдаты и офицеры несли большую, с черным ликом в окладе, икону. Это была икона, вывезенная из Смоленска и с того времени возимая за армией. «Взойдя на гору, икона остановилась; державшие на полотенцах икону люди переменились, дьячки зажгли вновь кадила, и начался молебен» [3, 195]. Толстой говорит, что огромная толпа с открытыми головами офицеров, солдат, ополченцев окружала икону. На всех лицах вспыхивало выражение сознания торжественности наступающей минуты, и чаще опускались головы, встряхивались «волоса», и слышались вздохи и удары крестов по «грудям». Толпа, окружавшая икону, вдруг раскрылась. Кто-то, вероятно очень важное лицо, судя по поспешности, с которой перед ним сторонились, подошел к иконе. Это был Кутузов, оббегавший позицию. Он, возвращаясь к Татариновой, подошел к молебну. Кутузов вошел своей ныряющей, раскачивающейся походкой в круг и остановился позади священника. «Он перекрестился привычным жестом, достал рукой до земли и, тяжело вздохнув, опустил свою седую голову. За Кутузовым был Беннигсен и свита» [3, 196]. Толстой говорит, что когда кончился молебен, Кутузов подошел к иконе, тяжело опустился на «колена», кланяясь в землю, и долго пытался и не мог встать от тяжести и слабости. Седая голова его подергивалась от усилий. Наконец он встал и с детски-наивным вытягиванием губ приложился к иконе и опять поклонился, дотронувшись рукой до земли. Генералитет последовал его примеру; потом офицеры, и за ними, давая друг друга, топчась, пыхтя и толкаясь, с взволнованными лицами, полезли солдаты и

ополченцы. «Икона тронулась дальше, сопутствуемая толпой» [3, 197]. «Через полчаса Кутузов уехал в Татаринову...» [3, 200].

Толстой говорит, что знаменитым местом Бородинского сражения был курган, известный у русских под именем курганной батареи или батареи Раевского. В окопанном канавами месте стояли десять стрелявших пушек, высунутых в отверстие валов. «В линию с курганом стояли с обеих сторон пушки, тоже беспрестанно стрелявшие. Немного позади пушек стояли пехотные войска» [3, 231]. К десяти часам уже человек двадцать унесли с батареи; два орудия были разбиты. «Но люди, бывшие на батарее, как будто не замечали этого; со всех сторон слышался веселый говор и шутки» [3, 233]. После каждого попавшего ядра, после каждой потери, всё более и более разгоралось общее оживление. Как из придвигающейся грозовой тучи, чаще и светлее вспыхивали на лицах всех этих людей (как бы в отпор совершающегося, говорит Толстой) молнии скрытого, разгорающегося огня. «Солдаты подавали заряды, поворачивались, заряжали и делали свое дело с напряженным щегольством. Они на ходу подпрыгивали, как на пружинах» [3, 234]. Толстой говорит, что главное действие Бородинского сражения произошло на пространстве тысячи сажен между Бородиным и флешами Багратиона. Солнце, застилаемое дымом, «стояло еще высоко, и впереди и в особенности налево у Семеновского, кипело что-то в дыму, и гул выстрелов, стрельба и канонада не только не ослабевали, но усиливались до отчаянности, как человек, который, надрываясь, кричит из последних сил» [3, 237].

Толстой говорит, что Кутузов сидел, понутив седую голову и опустившись тяжелым телом на покрытой ковром лавке. Он не делал никаких распоряжений, а только соглашался или не соглашался на то, что предлагали ему. Он выслушивал привозимые ему донесения, отдавал приказания, «но, выслушивая донесения, он, казалось, не интересовался смыслом слов того, что ему говорили, а что-то другое в выражении лиц, в тоне речи, доносивших интересовало его» [3, 245]. Долголетним военным опытом, говорит Толстой, он знал, что решают участь сраженья не распоряжения главнокомандующего, не место, на котором стоят войска, не количество пушек и убитых людей, а та неуловимая сила, называемая духом войска, и он следил за этой силой и руководил ею, насколько это было в его власти. Кутузов был в Горках, в центре позиции русского войска. «Направленная Наполеоном атака на наш левый фланг была несколько раз отбиваема» [3, 246]. В центре французы, говорит Толстой, не подвинулись далее Бородина. С левого фланга кавалерия Уварова заставила бежать французов. В третьем часу атаки французов прекратились. На всех лицах, приезжавших с поля сражения, и на тех, которые стояли вокруг него, Кутузов читал выражение напряженности, дошедшей до высшей степени. Кутузов был доволен успехом дня сверх ожидания. Ему подали обедать. Флигель-адъютант Вольцоген во время обеда подъехал к Кутузову. Вольцоген приехал от Барклая с донесением о ходе дел на левом фланге. Благоразумный Барклай де Толли, видя толпы отбегающих раненых и расстроенные зады армии, взвесив все обстоятельства дела, решил, что сражение было проиграно, и с этим известием прислал к главнокомандующему своего любимца. Кутузов с трудом жевал жареную курицу и сувившимися, повеселевшими глазами взглянул на Вольцогена. Вольцоген, строго взглянув на тарелки, стоявшие пред Кутузовым, начал докладывать «старому господину» положение дел на левом фланге так, как приказал ему Барклай и как он сам его видел и понял. «Все пункты нашей позиции в руках неприятеля и отбить нечем, потому что войск нет; они бегут, и нет возможности остановить их», – докладывал он. «Кутузов, остановившись жевать, удивленно, как будто не понимая того, что ему говорили, уставился на Вольцогена» [3, 247]. «Вольцоген, заметив волнение «³старого господина», с улыбкой сказал: «Я не считал себя вправе скрыть от вашей светлости того, что я видел... Войска в полном расстройстве...» [3, 247, 248]. «Вы видели? Вы видели?.. – нахмурившись закричал Кутузов, быстро вставая и наступая на Вольцогена. – Как вы... как вы смеете!.. – делая угрожающие жесты

трясущимися руками и захлебываясь, закричал он. – Как смеете вы, милостивый государь, говорить это *мне*. Вы ничего не знаете. Передайте от меня генералу Барклаю, что его сведения неверны и что настоящий ход сражения известен мне, главнокомандующему, лучше, чем ему». Вольцоген хотел возразить что-то, но Кутузов перебил его: «Неприятель отбит на левом и поражен на правом фланге. Ежели вы плохо видели, милостивый государь, то не позволяйте себе говорить того, чего вы не знаете. Извольте ехать к генералу Барклаю и передать ему на завтра мое неперемное намерение атаковать неприятеля» – строго сказал Кутузов. Все молчали, и слышно было одно тяжелое дыхание запыхавшегося старого генерала. «Отбиты везде, за что я благодарю Бога и наше храброе войско. Неприятель побежден, и завтра погоним его из священной земли русской», – сказал Кутузов, крестясь; и вдруг всхлипнул от наступивших слез. Вольцоген, пожав плечами и скривив губы, молча отошел к стороне. «Да, вот он мой герой», – сказал Кутузов к полному, красивому черноволосому генералу, который в это время входил на курган. Толстой говорит, что это был Раевский, прошедший весь день на главном пункте Бородинского поля. «Раевский доносил, что войска твердо стоят на своих местах и что французы не смеют атаковать более» [3, 248]. «Кайсаров! – кликнул Кутузов своего адъютанта. – Садись, пиши приказ на завтрашний день. А ты, – обратился он к другому, – поезжай по линии и объяви, что завтра мы атакуем» [3, 248, 249]. Толстой говорит, что в вечер 26-го августа и Кутузов, и вся русская армия были уверены, что Бородинское сражение выиграно. Кутузов так и писал государю. Кутузов приказал готовиться на новый бой, чтобы добить неприятеля не потому, чтобы он хотел кого-нибудь обманывать, но потому, что он знал, что враг побежден, так же как знал это каждый из участников сражения. «Но в тот же вечер и на другой день стали, одно за другим, приходить известия о потерях несслыханных, о потере половины армии, и новое сражение оказалось физически-невозможным» [3, 268]. «Русские войска, отступив от Бородина, стояли у Филей» [3, 270]. Кутузов на Поклонной горе, в шести верстах от Дорогомиловской заставы, говорит Толстой, вышел из экипажа и сел на лавку на краю дороги. Огромная толпа генералов собралась вокруг него. Всё это блестящее общество, разбившись на несколько кружков, говорило между собой о выгодах и невыгодах позиции, о состоянии Москвы, вообще о вопросах военных. «Все чувствовали, ...что хотя это не было так названо, но что это был военный совет» [3, 271]. «Лицо Кутузова становилось всё озабоченнее и печальнее. Из всех разговоров этих Кутузов видел одно: защищать Москву не было *никакой физической возможности* в полном значении этих слов...» [3, 271, 272]. Бенигсен, выбрав позицию, горячо выставляя свой русский патриотизм (которого не мог, не морщась, выслушивать Кутузов, говорит Толстой), настаивал на защите Москвы. Кутузов ясно как день видел цель Бенигсена: в случае неудачи защиты – свалить вину на Кутузова, доведшего войска без сражения до Воробьевых гор, а в случае успеха – себе приписать его; в случае же отказа – очистить себя в преступлении оставления Москвы. Толстой говорит, что этот вопрос интриги не занимал теперь старого человека. Один страшный вопрос занимал его. И на вопрос этот он ни от кого не слышал ответа. Вопрос состоял для него теперь только в том: «Неужели это я допустил до Москвы Наполеона, и когда же я это сделал? ...когда же решилось это страшное дело? Москва должна быть оставлена. Войска должны отступить, и надо отдать это приказание». Отдать это страшное приказание казалось ему, говорит Толстой, одно и то же, что отказаться от командования армией. А мало того, что он любил власть, привык к ней, «он был убежден, что ему было предназначено спасение России и что потому только, против воли государя и по воле народа, он был избран главнокомандующим» [3, 272]. Толстой говорит, что он был убежден, что он один в этих трудных условиях «мог держаться во главе армии, что он один во всем мире был в состоянии без ужаса знать своим противником непобедимого Наполеона; и он ужасался мысли о том приказании, которое он должен был отдать» [3, 272, 373]. Он

подозвал к себе старших генералов и поехал в Фили, где стояли его экипажи. «В просторной, лучшей избе мужика Андрея Савостьянова в два часа собрался совет» [3, 273]. Бенигсен открыл совет вопросом: «Оставить ли без боя священную и древнюю столицу России или защищать ее?» Последовало долгое и общее молчание. Все лица нахмурились, и в тишине слышалось сердитое кряхтенье и покашливание Кутузова. Все глаза смотрели на него, говорит Толстой. «*Священную древнюю столицу России!* – вдруг заговорил он, сердитым голосом повторяя слова Бенигсена, и этим указывая на фальшивую ноту этих слов. – Позвольте вам сказать, ваше сиятельство, что вопрос этот не имеет смысла для русского человека. Такой вопрос нельзя ставить, и такой вопрос не имеет смысла. Вопрос, для которого я просил собраться этих господ, это вопрос военный. Вопрос следующий: «Спасенье России в армии. Выгоднее ли рисковать потерей армии и Москвы, приняв сражение, или отдать Москву без сражения? Вот на какой вопрос я желаю знать ваше мнение» [3, 274]. Начались прения, говорит Толстой. Бенигсен не считал еще игру проигранной. Мнения разделились, были споры в пользу и против этого мнения. Ермолов, Дохтуров и Раевский согласились с мнением Бенигсена. Прения «возобновились, но часто наступали перерывы, и чувствовалось, что говорить больше не о чем» [3, 275]. Толстой говорит, что во время одного из таких перерывов Кутузов тяжело вздохнул, как бы «сбираясь» говорить. Все оглянулись на него. Медленно приподнявшись, он подошел к столу. «Господа, я слышал ваши мнения. Некоторые будут несогласны со мной. Но я, – он остановился, – властью, врученной мне моим государем и отечеством, я – приказываю отступление». Вслед за этим генералы, говорит Толстой, стали расходиться с той же торжественной и молчаливой осторожностью, с которою расходятся после похорон. Отпустив генералов, Кутузов долго сидел, облокотившись на стол, и думал всё о том же страшном вопросе: «Когда же, когда же наконец решилось то, что оставлена Москва? Когда было сделано то, что решило вопрос и кто виноват в этом?» «Этого, этого я не ждал, – сказал он вошедшему к нему, уже поздно ночью, адъютанту Шнейдеру, – этого я не ждал! Этого я не думал!» «Вам надо отдохнуть, ваша светлость», – сказал Шнейдер. «Да нет же! Будут же они лошадиное мясо жрать как турки, – не отвечая прокричал Кутузов, ударяя пухлым кулаком по столу, – будут и они, только бы...» [3, 276].

Толстой говорит, что 1-го сентября в ночь «отдан приказ Кутузова об отступлении русских войск через Москву на Рязанскую дорогу» [3, 322]. «Девять дней после оставления Москвы в Петербург приехал посланный от Кутузова с официальным известием об оставлении Москвы» [3, 403]. Обилие провианта в Калуге заставило армию отклониться к югу, «на Калужскую дорогу, к Тарутину» [3, 462]. Толстой говорит, что заслуга Кутузова состояла в том, что он один понимал значение совершавшегося события. Он один понимал уже тогда значение бездействия французской армии, он один продолжал утверждать, что Бородинское сражение была победа; он один – тот, который, казалось бы, по своему положению главнокомандующего, должен был быть вызываем к наступлению, – он один все силы свои употреблял на то, чтобы удержать русскую армию от бесполезных сражений. Подбитый зверь под Бородиным лежал там где-то, где его оставил отбежавший охотник; но жив ли, силен ли он был, или он только притаился, охотник не знал этого. Вдруг, говорит Толстой, послышался стон этого зверя. Стон этого раненого зверя, французской армии, обличивший ее гибель, была присылка Лористона в лагерь Кутузова с просьбой о мире. «²Я был бы проклят, если бы на меня смотрели, как на первого зачинщика какой бы то ни было сделки: *такова воля нашего народа*», – отвечал Кутузов» [3, 463]. Толстой говорит, что русская армия управлялась Кутузовым с его штабом и государем из Петербурга. В Петербурге, еще до получения известия об оставлении Москвы, был составлен подробный план всей войны и прислан Кутузову для руководства. План этот был одобрен штабом и принят к исполнению. «Кутузов писал только, что дальние диверсии всегда трудно

исполнимы» [3, 464,465]. «Князь Михаил Иларионович! – писал государь от 2-го октября, в письме, полученном после Тарутинского сражения. – С 2-го сентября Москва в руках неприятельских, ...могли бы вы с выгодой атаковать неприятеля слабее вас и истребить одного или, по меньшей мере, заставя его отступить,... Помните, что вы еще обязаны ответом оскорбленному отечеству в потере Москвы...» [3, 465,466]. Но в то время как письмо это, говорит Толстой, доказывающее то, что существенное отношение сил уже отражалось и в Петербурге, было в дороге, Кутузов не мог уже удержать командуемую им армию от наступления, и сражение уже было дано. Толстой говорит, что 2-го октября казак Шаповалов, находясь в разъезде, «наткнулся на левый фланг армии Мюрата, стоящий без всяких предосторожностей» [3, 466]. И наступление было назначено на 5-е октября, говорит Толстой. 4-го октября утром Кутузов подписал диспозицию. «Когда диспозиция была готова в должном количестве экземпляров, был призван офицер и послан к Ермолову, чтобы передать ему бумаги для исполнения» [3, 467]. Офицер, не обедая, говорит Толстой, искал Ермолова до шести часов вечера. Нигде Ермолова не было, и никто не знал, где он был. Был уже девятый час. Офицер вошел на крыльцо большого, сохранившегося в целости помещичьего дома, находившегося между русских и французов. В буфетной и в передней суетились лакеи с вином и яствами. Офицера ввели в дверь, и он увидел вдруг всех вместе важнейших генералов армии, в том числе и большую, заметную фигуру Ермолова. «Все генералы были в расстегнутых сюртуках, с красными, оживленными лицами и громко смеялись, стоя полукругом» [3, 468]. Один из генералов, говорит Толстой, увидел офицера и, узнав, зачем он, сказал Ермолову. Ермолов с нахмуренным лицом вышел к офицеру и, выслушав, взял от него бумагу, ничего не сказав ему. Толстой говорит, что на другой день, рано утром, дряхлый Кутузов встал, помолился Богу, оделся и с неприятным сознанием того, что он должен руководить сражением, которого он не одобрял, сел в коляску и выехал из Леташевки, в пяти верстах позади Тарутина, к тому месту, где должны были быть собраны наступающие колонны. Подъезжая к Тарутину, Кутузов заметил кавалеристов, ведущих на водопой лошадей через дорогу, по которой ехала коляска. Кутузов присмотрелся к ним, остановил коляску и спросил, какого полка? Кавалеристы были из той колонны, которая должна была быть уже далеко впереди в засаде. Позвали офицера. Офицер доложил, что никакого приказа о выступлении не было. «Как не бы...», – начал Кутузов, но тотчас же замолчал и приказал позвать к себе старшего офицера. Когда явился потребованный офицер генерального штаба Эйхен, Кутузов побагровел, и, придя в состояние бешенства, «он напустился на Эйхена, угрожая руками, крича и ругаясь площадными словами» [3, 469]. Он испытывал физическое страдание, говорит Толстой. Он, главнокомандующий, светлейший, которого все уверяют, что никто никогда не имел в России такой власти, как он, он поставлен в это положение – поднят на смех перед всей армией. Излившийся гнев уже не возвращался более, и Кутузов, слабо мигая глазами, выслушивал оправдания и слова защиты и настояния Бенигсена, Коновницына и Толя о том, чтобы то же неудавшееся движение сделать на другой день. И Кутузов должен был опять согласиться. Толстой говорит, что на другой день войска с вечера собрались в назначенных местах и ночью выступили. Люди шли весело. Некоторые колонны шли целую ночь и, очевидно, зашли не туда, куда им надо было. «Граф Орлов-Денисов с казаками ...один попал на свое место и в свое время» [3, 470]. Граф Орлов-Денисов, говорит Толстой, взволнованный тщетным ожиданием пехотных колонн, которые всё не показывались, и близостью неприятеля, решил наступать. «Ураааа!» зашумело по лесу, весело полетели казаки с своими дротиками наперевес, через ручей к лагерю. Французы стали опоминаться, собрались командами и принялись стрелять. «Орлов-Денисов ожидал все колонны и не наступал дальше» [3, 472]. Между тем с фронта другая колонна должна была напасть на французов, говорит Толстой, но при этой колонне был Кутузов. «Кутузов молча ехал на своей

серенькой лошадке, лениво отвечая на предложения атаковать. «У вас всё на языке атаковать, а не видите, что мы не умеем делать сложных маневров», – сказал он Милорадовичу, просившемуся вперед» [3, 473]. Когда Кутузову доложили, что в тылу французов, где по донесениям казаков прежде никого не было, теперь было два батальона поляков, он покосился назад на Ермолова (он с ним не говорил еще со вчерашнего дня, говорит Толстой): «Вот просят наступления, предлагают разные проекты, а чуть приступишь к делу, ничего не готово, и предупрежденный неприятель берет свои меры». Вскоре после этого Ермолов выдвинулся вперед к Кутузову и почтительно доложил: «Время не упущено, ваша светлость, неприятель не ушел. Если прикажете наступать? А то гвардия и дыма не увидит». Кутузов ничего не сказал, но когда ему донесли, что войска Мюрата отступают, он приказал наступление; но через каждые сто шагов останавливался на три четверти часа. Толстой говорит, что всё сражение состояло только в том, что сделали казаки Орлова-Денисова; остальные войска лишь напрасно потеряли несколько сот людей. «Вследствие этого сражения Кутузов получил алмазный знак, Бенигсен тоже алмазы и сто тысяч рублей, другие, по чинам соответственно, получили тоже много приятного...» [3, 474]. В первых числах октября к Кутузову, говорит Толстой, приехал еще парламентер с письмом от Наполеона и предложением мира, обманчиво означенным из Москвы, тогда как Наполеон уже был недалеко впереди Кутузова на старой Калужской дороге. «Кутузов отвечал на это письмо так же, как на первое, присланное с Лористоном: он сказал, что о мире речи быть не может» [3, 499]. Толстой говорит, что из партизанского отряда Дорохова, ходившего налево от Тарутина, «получено донесение о том, что в Фоминском показались войска,...» [3, 500]. Вечером 11-го октября пойманный французский гвардеец говорил, что войска, вошедшие нынче в Фоминское, составляли авангард всей большой армии, что Наполеон был тут же, что армия вся уже пятый день вышла из Москвы. «Решено было послать донесение в штаб. Для этого избран толковый офицер, Болховитинов,...» [3, 501]. Толстой говорит, что Кутузов, как и все старые люди, мало «сыпал» по ночам. «Он днем часто неожиданно задремывал; но ночью он, не раздеваясь, лежа на своей постели, большею частью не спал и думал» [3, 504]. Толстой говорит, что Кутузов, как опытный охотник, знал, что зверь ранен, ранен так, как только могла ранить вся русская сила, но смертельно или нет, это был еще не разъясненный вопрос. Теперь, по присылкам Лористона и Бертеlemi и по донесениям партизанов, Кутузов почти знал, что он ранен смертельно. Но нужны были еще доказательства, надо было ждать. И он ждал их уже месяц. Лежа на своей постели в свои бессонные ночи, говорит Толстой, он придумывал всякого рода движения наполеоновской армии, всей или частей ее – к Петербургу, на него, в обход его, придумывал (чего он больше всего боялся, говорит Толстой) «и ту случайность, что Наполеон станет бороться против него его же оружием, что он останется в Москве, выжидая его» [3, 505]. Но одного, чего он не мог предвидеть, «это того, что совершилось, того безумного, судорожного метания войска Наполеона в продолжение первых одиннадцати дней его выступления из Москвы, – метания, которое сделало возможным то, о чем всё-таки не смел еще тогда думать Кутузов: совершенное истребление французов» [3, 505, 506]. Толстой говорит, что донесения Дорохова о дивизии Брусье, известия от партизанов о бедствиях армии Наполеона, слухи о сборах к выступлению из Москвы – все подтверждало предположение, что французская армия разбита и «сбирается» бежать; но это были только предположения. И чем больше желал этого Кутузов, тем меньше он позволял себе этому верить. Вопрос этот занимал все его душевные силы. Всё остальное было для него только привычным исполнением жизни. Но гибель французов, предвиденная им одним, было его душевное, единственное желание. Толстой говорит, что в ночь 11-го октября он лежал, облокотившись на руку, и думал об этом. В соседней комнате зашевелилось, и послышались шаги Толя, Коновницына и Болховитинова. «Позови, позови его сюда!» «Кутузов сидел, спустив одну ногу с кровати и навалившись

большим животом на другую, согнутую ногу. Он шурил свой зрячий глаз, чтобы лучше рассмотреть посланного...» [3, 506]. «Скажи, скажи, дружок, – сказал он Болховитинову своим тихим, старческим голосом,... – Подойди, подойди поближе. Какие ты привез мне весточки? А? Наполеон из Москвы ушел? Воистину так? А?» [3, 506, 507]. Болховитинов рассказал всё, говорит Толстой, и замолчал, ожидая приказания. Толь начал было говорить что-то, но Кутузов перебил его. Он хотел сказать что-то, но вдруг лицо его сщурилось, сморщилось; он, махнув рукой на Толя, повернулся в противную сторону, к красному углу избы, черневшему от образов. «Господи, Создатель мой! Внял Ты молитве нашей... – дрожащим голосом сказал он, сложив руки. – Спасена Россия. Благодарю Тебя, Господи! – И он заплакал» [3, 507].

Толстой говорит, что когда определилось направление бегства французской армии по Смоленской дороге, тогда все высшие чины армии хотели отличиться, отрезать, перехватить, полонить, опрокинуть французов и все требовали наступления. Кутузов один все силы свои (силы эти очень не велики у каждого главнокомандующего, говорит Толстой), употреблял на то, чтобы противодействовать наступлению. Толстой говорит, что он не мог им сказать то, что мы говорим теперь: зачем сражение, и загораживанье дороги, и потеря своих людей, и бесчеловечное добиванье несчастных? Зачем всё это, когда от Москвы до Вязьмы без сражения растаяла одна треть этого войска? «Но он говорил им, выводя из своей старческой мудрости то, что они могли бы понять, – он говорил им про золотой мост, и они смеялись над ним, клеветали его, и рвали, и метали, и куражились над убитым зверем» [3, 510]. «Одна армия бежала, другая догоняла» [3, 556]. На Березине опять замешались, говорит Толстой, многие потонули, многие сдались, но те, которые перебрались через реку, побежали дальше. «Главный начальник их надел шубу и, сев в сани, поскакал один, оставив своих товарищей» [3, 557]. Вся деятельность Кутузова, как это было под Тарутиным и под Вязьмой, была направлена только к тому, чтобы, – на сколько то было в его власти, – не останавливать этого губительного для французов движения (как хотели в Петербурге и в армии русские генералы, говорит Толстой), «а содействовать ему и облегчить движение своих войск» [3, 573]. Кутузов только пожимал плечами, когда ему один за другим представляли проекты маневров с теми дурно обутыми, без полушубков, полуголодными солдатами, которые в один месяц, без сражений, растаяли до половины и с которыми надо было пройти до границы пространство больше того, которое было пройдено. В особенности это стремление отличиться и маневрировать, опрокидывать и отрезывать проявлялось тогда, когда русские войска наталкивались на войска французов. Так это случилось под Красным, где думали найти одну из трех колонн французов и наткнулись на самого Наполеона с шестнадцатью тысячами. «Несмотря на все средства, употребленные Кутузовым, для того чтобы избавиться от этого пагубного столкновения и чтобы сберечь свои войска, три дня у Красного продолжалось добивание разбитых сборищ французов измученными людьми русской армии» [3, 574] Толстой говорит, что под Красным взяли двадцать шесть тысяч пленных, сотни пушек, и спорили о том, кто там отличился, и были этим довольны, но очень сожалели о том, что не взяли Наполеона, или хоть какого-нибудь героя, маршала, и упрекали в этом друг друга и в особенности Кутузова. Они обвиняли Кутузова и говорили, что он с самого начала кампании мешал им победить Наполеона, что он под Красным остановил движение только потому что, узнав о присутствии Наполеона, он совершенно потерялся; что можно предполагать, что он находится в заговоре с Наполеоном, что он подкуплен им. «Мало того, что современники, увлекаемые страстями, говорили так, – потомство и история признали Наполеона grand, а Кутузова: иностранцы – хитрым, развратным, слабым придворным стариком; русские – чем-то неопределенным – какой-то куклой, полезною только по своему русскому имени...» [3, 575]. Толстой говорит, что начиная от Бородинского сраженья, с которого начался его разлад с окружающими, он один говорил, что Бородинское сражение есть победа, и повторял это и изустно, и в

рапортах, и донесениях до самой своей смерти. Он один сказал, что потеря Москвы не есть потеря России. Он один во время отступления французов говорил, что *«все наши маневры не нужны, что всё сделается само собою лучше, чем мы того желаем, что неприятелю надо дать золотой мост, что ни Тарутинское, ни Вяземское, ни Красненское сражения не нужны, что с чем-нибудь надо прийти на границу, что за десять французов он не отдаст одного русского»* [3, 577]. Толстой говорит, что действия его – все без малейшего отступления, все были направлены к одной и той же цели, выражающейся в трех действиях: 1) напрячь все свои силы для столкновения с французами, 2) победить их и 3) изгнать из России, облегчая, на сколько возможно, бедствия народа и войска. Толстой говорит, что источник этой необычайной силы прозрения в смысл совершающихся явлений лежал в том народном чувстве, которое он носил в себе во всей чистоте и силе его. «И только это чувство поставило его на ту высшую человеческую высоту, с которой он, главнокомандующий, направлял все свои силы не на то, чтоб убивать и истреблять людей, а на то, чтобы спасти и жалеть их» [3, 578,579]. Толстой говорит, что чем дальше бежали французы, чем жалче были их остатки, в особенности после Березины, на которую, вследствие петербургского плана, возлагались особенные надежды, тем сильнее разгорались страсти русских начальников, обвинявших друг друга и в особенности Кутузова. Полагая, что неудача Березинского петербургского плана будет отнесена к нему, недовольство им, презрение к нему и подтрунивание над ним выражались сильнее и сильнее. Подтрунивание и презрение, само собой разумеется, выражались в почтительной форме, в той форме, в которой Кутузов не мог и спросить, в чем и за что его обвиняют. И всё, что он говорил: например, то, что надо подождать провиант, что люди без сапог, всё это было так просто, «а всё, что они предлагали, было так сложно и умно, что очевидно было для них, что он был глуп и стар, а они были не властные, гениальные полководцы» [3, 591]. Толстой говорит, что к армии приехал великий князь Константин Павлович, делавший начало кампании и удаленный из армии Кутузовым. «Теперь великий князь, приехав к армии, сообщил Кутузову о неудовольствии государя императора за слабые успехи наших войск и за медленность движения» [3, 591, 592]. Государь император сам на днях намеревался прибыть к армии. Старый человек, говорит Толстой, столь же опытный в придворном деле, как и в военном, Кутузов теперь тотчас же понял, что время его кончено, что роль его сыграна и что этой мнимой власти у него уже нет больше. И не по одним придворным отношениям он понял это. С одной стороны, он видел, что военное дело, то, в котором он играл свою роль, – кончено, и чувствовал, что его призвание исполнено. С другой стороны, он в то же самое время стал чувствовать физическую усталость в своем старом теле и необходимость физического отдыха. Толстой говорит, что 29-го ноября Кутузов въехал в Вильно, – в свою добрую Вильну, как он говорил. Два раза в свою службу Кутузов был в Вильне губернатором. «В богатой уцелевшей Вильне, кроме удобств жизни, которых так давно уже он был лишен, Кутузов нашел старых друзей и воспоминания» [3, 592]. Толстой говорит, что выехав с своей свитой – графом Толстым, князем Волконским, Аракчеевым и другими, 7-го декабря из Петербурга, государь 11-го декабря приехал в Вильну и в дорожных санях прямо подъехал к замку. Все глаза устремились «на подсакивающие сани, в которых уже видны были фигуры государя и Волконского» [3, 593]. Старый генерал, говорит Толстой, поправил шляпу и «враз», в ту минуту как государь, выйдя из саней, поднял к нему глаза, подбодрившись и вытянувшись, подал рапорт и стал говорить своим мерным, заискивающим голосом. Государь быстрым взглядом окинул Кутузова с головы до ног, на мгновение нахмурился, но тотчас же, преодолев себя, подошел, и, расставив руки, обнял старого генерала. Государь поздоровался с офицерами, с Семеновским караулом и, пожав еще раз за руку старика, пошел с ним в замок. Оставшись наедине с фельдмаршалом, государь высказал ему свое неудовольствие за медленность преследования, за ошибки в Красном и на Березине и сообщил свои

соображения о будущем походе за границу. Толстой говорит, что Кутузов не делал ни возражений, ни замечаний. То самое покорное и бессмысленное выражение, с которым он, семь лет тому назад, выслушивал приказания государя на Аустерлицком поле, установилось теперь на его лице. Когда Кутузов вышел из кабинета и своей тяжелой, ныряющей походкой, опустив голову, пошел по зале, чей-то голос остановил его. «Ваша светлость», – сказал кто-то. Кутузов поднял голову и долго смотрел в глаза графу Толстому, который, с какой-то маленькою вещицей на серебряном блюде, стоял перед ним. Кутузов, казалось, не понимал, чего от него хотели. Вдруг он как будто вспомнил, говорит Толстой: чуть заметная улыбка мелькнула на его пухлом лице, и он, низко, почтительно наклонившись, взял предмет, лежавший на блюде. Это был Георгий 1-й степени. На другой день были у фельдмаршала обед и бал, которые государь удостоил своим присутствием. «Кутузову пожалован Георгий 1-й степени; государь оказывал ему высочайшие почести...» [3, 594]. Но, говорит Толстой, неудовольствие государя против фельдмаршала было известно каждому. Соблюдалось приличие, и государь показывал первый пример этого; но все знали, что старик виноват и никуда не годится. Толстой говорит, что неудовольствие государя против Кутузова усилилось в Вильне в особенности потому, что Кутузов, очевидно, не хотел или не мог понимать значение предстоящей кампании. Когда на другой день утром государь сказал собравшимся у него офицерам: «Вы спасли не одну Россию; вы спасли Европу», – все уже тогда поняли, что война не кончена. Один Кутузов не хотел понимать этого и открыто говорил свое мнение о том, что новая война не может улучшить положение и увеличить славу России. Он старался доказать государю невозможность набрания новых войск; говорил о тяжелом положении населений, о возможности неудач и т. п. Толстой говорит, что при таком настроении фельдмаршал, естественно, представлялся только помехой и тормозом предстоящей войны. Для избежания столкновений со стариком сам собою нашелся выход, состоящий в том, чтобы «вынуть» из-под главнокомандующего, не тревожа его, не объявляя ему о том, ту почву власти, на которой он стоял, и перенести ее к самому государю. С этой целью понемногу переформировался штаб, и вся существенная сила штаба Кутузова была уничтожена и перенесена к государю. Все громко говорили, что фельдмаршал стал очень слаб и расстроен здоровьем. «Ему надо было быть слабым здоровьем для того, чтобы передать свое место тому, кто заступал его. И действительно, здоровье его было слабо» [3, 595]. Толстой говорит, что война 1812-го года, кроме своего дорогого русскому сердцу народного значения, должна была иметь другое – европейское. За движением народов с запада на восток, должно было последовать движение народов с востока на запад, и для этой новой войны нужен был новый деятель, имеющий другие, чем Кутузов, свойства, взгляды, движимый другими побуждениями. Александр Первый для движения народов с востока на запад и для восстановления границ народов, был также необходим, как необходим был Кутузов для спасения и славы России. «Представителю русского народа, после того как враг был уничтожен, Россия освобождена и поставлена на высшую степень своей славы, русскому человеку, как русскому, делать больше ничего нечего. Представителю народной войны ничего не оставалось, кроме смерти. И он умер» [3, 596].

Итак, можно сказать словами А.Н. Леонтьева, что в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» для его героев ведущий мотив-цель «...возвышается до истинно человеческого и не обособливает человека, а сливает его жизнь с жизнью людей, их благом». Такие жизненные мотивы «...способны создать внутреннюю психологическую оправданность его существования, которая составляет смысл и счастье жизни» [1, 221].

Список литературы

1. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. Издательство политической литературы, М. 1975

2. Толстой Л.Н. Война и мир, т. I, II, Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие», М.1994.
 3. Толстой Л.Н. Война и мир, т. III, IV, Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие», М.1994.
-

НЕПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ НАСИЛИЕМ

Петрова Н.И.

*Петрова Надежда Ильинична – пенсионер
г. Новосибирск*

Аннотация: почему Анна Каренина покончила жизнь самоубийством? Данную проблему можно рассматривать с двух сторон: во-первых – со стороны автора Л.Н. Толстого – с религиозной точки зрения и, во-вторых, – с не религиозной. В статье анализируется, как в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» с религиозной точки зрения реализуется его принцип «непротивление злу насилием».

Ключевые слова: прощение, приличие, брак, несчастье, спасение, зло, честь, страдание, смерть, ненависть, счастье.

Эпиграфом к роману является фраза: «Мне отмщение, и Аз воздам» [2, 5] – почему? Толстой начинает свой роман словами: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» [2, 5].

Толстой говорит, что одна за другою стали подъезжать кареты к огромному дому княгини Бетси «...на Большой Морской» [2, 163]. В гостиной разговор был очень приятный. «Осуждали Карениных, жену и мужа» [2, 166]. Вошел Вронский, вошла Анна. Вронский и Анна сели «...у углового стола с альбомами» [2, 170]. В гостиную вошел Алексей Александрович своєю спокойною, неуклюжею походкой. Оглянув жену и Вронского, он подошел к хозяйке и, усевшись за чашкой чая, стал говорить своим неторопливым, всегда слышным голосом. «Вронский и Анна продолжали сидеть у маленького стола» [2, 172]. Почти все бывшие в гостиной по несколько раз взглядывали на удалившихся от общего кружка. Только один Алексей Александрович, говорит Толстой, ни разу не взглянул в ту сторону. Заметив производимое на всех неприятное впечатление, княгиня Бетси подошла к Анне. «О да!» – сказала Анна, сияя улыбкой счастья. Она перешла к большому столу и приняла участие в общем разговоре. Алексей Александрович, просидев полчаса, подошел к жене и предложил ей ехать вместе домой; но она, не глядя на него, отвечала, что останется ужинать. «Алексей Александрович раскланялся и вышел» [2, 173]. Алексей Александрович ничего особенного и неприличного не нашел в том, что жена его сидела с Вронским у особого стола и о чем-то оживленно разговаривала; но он

заметил, что другим в гостиной это показалось чем-то особенным и неприличным, и потому это показалось неприличным и ему. «Он решил, что нужно сказать об этом жене» [2, 174]. Алексей Александрович был не ревнив, говорит Толстой. Ревность, по его убеждению, оскорбляет жену, и к жене должно иметь доверие. «Теперь же, ...он чувствовал, что стоит лицом к лицу пред чем-то нелогичным и бестолковым, и не знал, что надо делать» [2, 175]. Он впервые живо представил себе ее личную жизнь, «...и мысль, что у нее может и должна быть своя особенная жизнь, показалась ему так страшна, что он поспешил отогнать ее» [2, 176]. И в голове Алексея Александровича сложилось ясно все, что он теперь скажет жене. «Я должен сказать и высказать следующее: во-первых, объяснение значения общественного мнения и приличия; во-вторых, религиозное объяснение значения брака; в-третьих, если нужно, указание на могущее произойти несчастье для сына; в-четвертых, указание на ее собственное несчастье». «У подъезда послышался звук подъехавшей кареты» [2, 177]. На лестницу всходили женские шаги. Увидав мужа, Анна подняла голову и, как будто просыпаясь, улыбнулась. «Ты не в постели? Вот чудо!» – сказала она и, не останавливаясь, пошла дальше, в уборную. «Анна, мне нужно поговорить с тобой. Анна, я должен предостеречь тебя», – сказал он. «Предостеречь? – сказала она. – В чем?» [2, 178]. «Я хочу предостеречь тебя в том, – сказал он тихим голосом, – что по неосмотрительности и легкомыслию ты можешь подать в свете повод говорить о тебе. Твой слишком оживленный разговор сегодня с графом Вронским обратил на себя внимание» [2, 179]. «Решительно ничего не понимаю, – сказала Анна, пожимая плечами. – Ты нездоров, Алексей Александрович», – прибавила она. «Твои чувства – это дело твоей совести; но я обязан пред тобою, пред собой и пред Богом указать тебе твои обязанности. Жизнь наша связана, и связана не людьми, а Богом. Разорвать эту связь может только преступление, и преступление этого рода влечет за собой тяжелую кару» [2, 180]. «Ничего не понимаю. Ах, боже мой, и как мне на беду спать хочется! – сказала она. «Алексей Александрович вздохнул и, не сказав больше ничего, отправился в спальню» [2, 181]. С этого вечера, говорит Толстой, началась новая жизнь для Алексея Александровича и для его жены. Ничего особенного не случилось. Анна, как всегда, ездила в свет, особенно часто бывала у княгини Бетси и встречалась везде с Вронским. «Алексей Александрович видел это, но ничего не мог сделать» [2, 182]. Как и обыкновенно, жена его переехала на дачу, а он остался в Петербурге. Со времени того разговора после вечера у княгини Тверской он никогда не говорил с Анною о своих подозрениях и ревности. Он был несколько холоднее к жене. «В его отношениях к ней был оттенок досады, но не более» [2, 246]. Но вместе с тем, говорит Толстой, он в глубине своей души, никогда не высказывая этого самому себе, «...знал несомненно, что он был обманутый муж, и был от этого глубоко несчастлив» [2, 247]. День скачек был очень занятой день для Алексея Александровича; но, с утра еще сделав себе расписание дня, он решил, что тотчас после раннего обеда он поедет на дачу к жене и оттуда на скачки, на которых будет весь двор и на которых ему надо быть. К жене же он заедет потому, что он решил себе бывать у нее в неделю раз для приличия. «Кроме того, в этот день ему нужно было передать жене к пятнадцатому числу, по заведенному порядку, на расход деньги» [2, 248]. Когда Алексей Александрович появился на скачках, Анна уже сидела в беседке рядом с Бетси, «в той беседке, где собиралось все высшее общество» [2, 253]. В это время пускали ездовых. Алексей Александрович не интересовался скачками, говорит Толстой, и потому не глядел на скакавших, а рассеянно стал обводить зрителей усталыми глазами. Взгляд его остановился на Анне. Лицо ее было бледно и строго. Она, очевидно, ничего и никого не видела, кроме одного. «Он посмотрел на нее и поспешно отвернулся, оглядывая другие лица» [2, 256]. Скачки были несчастливы, и из семнадцати человек попадало и разбилось больше половины. Все громко выражали свое неодобрение, так что, когда Вронский упал и Анна громко ахнула, в этом не было ничего необыкновенного. «Но вслед за тем в лице Анны произошла перемена, которая была

уже положительно неприлична. Она совершенно потерялась» [2, 257, 258]. Она стала биться как пойманная птица, говорит Толстой: то хотела встать и идти куда-то, то обращалась к Бетси. Но Бетси не слыхала ее. Она говорила, перегнувшись вниз, с подошедшим к ней генералом. Алексей Александрович подошел к Анне и учтиво подал ей руку. «Пойдемте, если вам угодно», – сказал он по-французски; но Анна прислушивалась к тому, что говорил генерал, и не заметила мужа. В это время подсказал офицер и что-то докладывал государю. Анна высунулась вперед, слушая. «Я еще раз предлагаю вам свою руку, если вы хотите идти», – сказал Алексей Александрович, «дотрогиваясь» до ее руки. Она с отвращением отстранилась от него и, не взглянув ему в лицо, отвечала: «Нет, нет, оставьте меня, я останусь». Офицер принес известие, что ездук не убится, но лошадь сломала спину. Услышав это, Анна быстро села и закрыла лицо веером. Алексей Александрович видел, говорит Толстой, что она плакала и не могла удержать не только слез, но и рыданий, которые поднимали ее грудь. «Алексей Александрович загородил ее собою, давая ей время оправиться» [2, 258]. «В третий раз предлагаю вам свою руку», – сказал он чрез несколько времени, обращаясь к ней. Анна испуганно оглянулась, покорно встала и положила руку на руку мужа. Она молча села в карету Алексея Александровича и молча выехала из толпы экипажей. Несмотря на все, что он видел, Алексей Александрович, говорит Толстой, все-таки не позволил себе думать о настоящем положении своей жены. Он только видел внешние признаки. «Он видел, что она ведет себя неприлично, и считал своим долгом сказать ей это» [2, 259]. «Я должен сказать вам, что вы неприлично вели себя нынче», – сказал он ей по-французски. «Чем я неприлично вела себя?» – громко сказала она, быстро поворачивая к нему голову и глядя ему прямо в глаза. «Что вы нашли неприличным?» – повторила она. «То отчаяние, которое вы не умели скрыть при падении одного из ездуков». «Он ждал, что она возразит, но она молчала, глядя перед собою» [2, 260]. «Может быть, я ошибаюсь», – сказал он. – В таком случае я прошу извинить меня». «Нет, вы не ошиблись», – сказала она медленно, отчаянно взглянув на его холодное лицо. – Вы не ошиблись. Я была и не могу не быть в отчаянии. Я слушаю вас и думаю о нем. Я люблю его, я его любовница, я не могу переносить, я боюсь, я ненавижу вас... Делайте со мной что хотите». И, откинувшись в угол кареты, она зарыдала, закрываясь руками. Алексей Александрович не пошевелился и не изменил прямого направления взгляда. Но все лицо его вдруг приняло торжественную неподвижность мертвого. Подъезжая к дому, он повернул к ней голову все с тем же выражением. «Так! Но я требую соблюдения внешних условий приличия до тех пор, – голос его задрожал, – пока я приму меры, обеспечивающие мою честь, и сообщу их вам». «Он вышел вперед и высадил ее. В виду прислуги он пожал ей молча руку, сел в карету и уехал в Петербург» [2, 261].

«Алексей Александрович не мог равнодушно слышать и видеть слезы ребенка или женщины» [2, 339]. Когда, возвращаясь со скачек, говорит Толстой, Анна объявила ему о своих отношениях к Вронскому и тотчас же вслед за этим, закрыв лицо руками, заплакала, Алексей Александрович, несмотря на вызванную в нем злобу к ней, почувствовал в то же время прилив того душевного расстройства, которое на него всегда производили слезы. Зная это и зная, что выражение в эту минуту его чувств было бы несоответственно положению, он старался удержать в себе всякое проявление жизни и потому не шевелился и не смотрел на нее. Слова жены, подтвердившие его худшие сомнения, произвели жестокую боль в сердце Алексея Александровича. Боль эта была усилена еще тем странным чувством физической жалости к ней, которую произвели на него ее слезы. Но, оставшись один в карете, Алексей Александрович, говорит Толстой, к удивлению своему и радости, почувствовал совершенное освобождение и от этой жалости, и от «мучавших» его в последнее время сомнений и страданий ревности. Он испытывал чувство человека, выдернувшего долго болевший зуб. Боль была странная и страшная, но теперь она прошла; он чувствовал, что может опять жить и думать не об одной жене. «Без чести,

без сердца, без религии, испорченная женщина!» [2, 340]. «Я не могу быть несчастлив оттого, что презренная женщина сделала преступление; я только должен найти наилучший выход из того тяжелого положения, в которое она ставит меня. И я найду его, – говорил он себе, хмурясь больше и больше. – Не я первый, не я последний». Целый ряд случаев «современных неверностей жен мужьям высшего света возник в воображении Алексея Александровича» [2, 341]. «Дарьялов дрался на дуэли... Положим, я вызову на дуэль», – продолжал про себя Алексей Александрович. Он содрогнулся и понял, что никогда он этого не сделает, говорит Толстой. «Какой смысл имеет убийство человека для того, чтоб определить свое отношение к преступной жене и сыну? Точно так же я должен буду решать, что должен делать с ней. Но, что еще вероятнее и что несомненно будет, – я буду убит или ранен. Я, невиноватый человек, жертва, – убит или ранен. Еще бессмысленнее» [2, 342,343]. Обсудив и отвергнув дуэль, Алексей Александрович обратился к разводу – «другому выходу, избранному некоторыми из тех мужей, которых он вспомнил» [2, 343]. При разводе, даже при попытке развода очевидно было, что жена разрывала сношения с мужем и соединялась с своим любовником. А в душе Алексея Александровича, говорит Толстой, несмотря на полное теперь, как ему казалось, презрительное равнодушие к жене, оставалось в отношении к ней одно чувство – нежелание того, чтоб она беспрепятственно могла соединиться с Вронским, чтобы преступление ее было для нее выгодно. «Кроме формального развода, можно было еще поступить, как Карибанов, Паскудин и этот добрый Драм, то есть разехаться с женой», – продолжал он думать, успокоившись; но главное – это, точно так же, как и формальный развод, бросало его жену в объятия Вронского. «Нет, это невозможно, невозможно! – опять принимаясь «перевертывать» свой плед, громко заговорил он. – Я не могу быть несчастлив, но и она и он не должны быть счастливы». Алексей Александрович убедился, что выход был только один – удержать ее при себе, скрыв от света случившееся и употребив все зависящие меры для прекращения связи «и главное – в чем самому себе он не признавался – для наказания ее» [2, 344]. В подтверждение этого решения, когда оно уже было окончательно принято, Алексею Александровичу, говорит Толстой, пришлось еще одно важное соображение. «Только при таком решении я поступаю и сообразно с религией, – сказал он себе, – только при этом решении я не отвергаю от себя преступную жену, а даю ей возможность исправления и даже – как ни тяжело это мне будет – посвящаю часть своих сил на исправление и спасение ее» [2, 345]. Подъезжая к Петербургу, Алексей Александрович не только вполне остановился на этом решении, говорит Толстой, но и составил в своей голове письмо, которое он напишет жене. В кабинете Алексей Александрович подумал с минуту и начал писать, ни одной секунды не останавливаясь. «При последнем разговоре нашем я выразил вам мое намерение сообщить свое решение относительно предмета этого разговора. ...Решение мое следующее: каковы бы ни были ваши поступки, я не считаю себя вправе разрывать тех уз, которыми мы связаны властью свыше. Семья не может быть разрушена по капризу, произволу или даже по преступлению одного из супругов, и наша жизнь должна идти, как она шла прежде. ...В противном случае вы сами можете предположить то, что ожидает вас и вашего сына. ... А. Каренин. P. S. При этом письме деньги, которые могут понадобиться для ваших расходов» [2, 346, 347]. Сложив письмо и заглянув его большим массивным ножом слоновой кости и уложив в конверт с деньгами, он позвонил. «Передашь курьеру, чтобы завтра доставил Анне Аркадьевне на дачу, – сказал он и пошел к креслу, «у которого была приготовлена лампа и начатая французская книга о египетских надписях» [2, 347]. Он смотрел в книгу и думал о другом. Он думал не о жене, говорит Толстой, но о возникшем в последнее время усложнении в его государственной деятельности, – деле «об орошении полей Зарайской губернии, находившемся в министерстве Алексея Александровича... и деле об устройстве инородцев» [2, 348-349].

В середине зимы, говорит Толстой, Вронский подъезжая к крыльцу Карениных вышел из саней и подошел к двери. «В самых дверях Вронский почти столкнулся с Алексеем Александровичем» [2, 434]. «Алексей Александрович после встречи у себя на крыльце с Вронским поехал, как и намерен был, в итальянскую оперу. Он отсидел там два акта и видел всех, кого ему нужно было. Вернувшись домой, он внимательно осмотрел вешалку и, заметив, что военного пальто не было, по обыкновению, прошел к себе. Но, противно обыкновению, он не лег спать и проходил взад и вперед по своему кабинету до трех часов ночи. Чувство гнева на жену, говорит Толстой, не хотевшую соблюдать приличий и исполнять единственное поставленное ей условие – не принимать у себя своего любовника, не давало ему покоя. «Кроме того, беда одна не ходит, и дела об устройстве инородцев и об орошении полей Зарайской губернии навлекли на Алексея Александровича такие неприятности по службе, что он все это последнее время находился в крайнем раздражении» [2, 441-442]. Он не спал всю ночь, и его гнев, увеличиваясь в какой-то огромной прогрессии, дошел к утру до крайних пределов. Он поспешно оделся и, как бы неся полную чашу гнева, вошел к ней, как только узнал, что она встала. Она с удивлением и робостью молча глядела на него. «Я сказал вам, что не позволю вам принимать вашего любовника у себя» [2, 442]. «Я пришел вам сказать, что я завтра уезжаю в Москву и не вернусь более в этот дом, и вы будете иметь известие о моем решении чрез адвоката, которому я поручу дело развода. Сын же мой переедет к сестре», – сказал Алексей Александрович. «И он хотел уйти, но она задержала его» [2, 444]. «Алексей Александрович, оставьте Сережу! – прошептала она. – Я более ничего не имею сказать. Оставьте Сережу до моих... Я скоро рожу, оставьте его!» «Алексей Александрович вспыхнул и, вырвав у нее руку, вышел молча из комнаты» [2, 445].

Новая комиссия, говорит Толстой, для исследования во всех отношениях быта инородцев была составлена и отправлена на место с необычайною, возбуждаемою Алексеем Александровичем быстротой и энергией. Все ответы были несомненны. И решение было в пользу мнения Алексея Александровича. Но Стрёмов предлагал другие меры в том же духе. «Меры эти, доведенные до крайности, вдруг оказались так глупы, что в одно и то же время и государственные люди, и общественное мнение, и умные дамы, и газеты – все обрушилось на эти меры, выражая свое негодование и против самих мер, и против их признанного отца, Алексея Александровича» [2, 451]. Стрёмов же отстранился, делая вид, что он только слепо следовал плану Каренина. Положение Алексея Александровича, говорит Толстой, вследствие этого и отчасти вследствие павшего на него презрения за неверность его жены стало весьма шатко. И в этом положении Алексей Александрович принял важное решение. Он, к удивлению комиссии, объявил, что он будет просить разрешения самому ехать на место для исследования дела. «И, испросив разрешение, Алексей Александрович отправился в дальние губернии» [2, 452]. «Проездом в дальние губернии Алексей Александрович остановился на три дня в Москве» [2, 453]. «Алексей Александрович, вернувшись от обедни, проводил все утро дома» [2, 459]. Облонский вошел в комнату. «Ну, я очень рад, что застал тебя! Так я надеюсь... – весело начал Степан Аркадьич. «Я не могу быть», – холодно, стоя и не сажая гостя, сказал Алексей Александрович. «Я хочу сказать, что не могу быть у вас, потому что те родственные отношения, которые были между нами, должны прекратиться» [2, 460]. «Как? То есть как же? Почему?» – с улыбкой проговорил Степан Аркадьич. «Потому что я начинаю дело развода с вашей сестрой, моею женой...». Степан Аркадьич охнул и сел в кресло. «Это ужасно! – сказал Степан Аркадьич, тяжело вздохнув. – Я бы одно сделал, Алексей Александрович. Умоляю тебя, сделай это! – сказал он. – Прежде, чем ты начнешь дело, повидайся с моею женой, поговори с ней» [2, 461]. Алексей Александрович задумался. «Если вы так хотите этого – я приеду», – вздохнув, сказал Алексей Александрович» [2, 462].

«Как я рада, что вы пришли», – сказала ему Долли с испуганною улыбкой, встречая его, – мне нужно поговорить с вами». «Дарья Александровна была твердо уверена в невинности Анны...» [2, 478]. «Нельзя не верить фактам, Дарья Александровна, – сказал он, ударяя на слово *фактам*» [2, 479]. «Я решился на последнюю меру. Мне больше нечего делать». «Я понимаю, я очень понимаю это, – сказала Долли и опустила голову.... – Но постойте! Вы христианин. Подумайте о ней! Что с ней будет, если вы бросите ее?» «Спасать можно человека, который не хочет погибать; но если натура вся так испорчена, развращена, что самая погибель кажется ей спасением, то что же делать?» [2, 480]. «Все, только не развод! – отвечала Дарья Александровна.... – Постойте, я вам скажу про себя. Я вышла замуж. Муж обманывал меня; в злобе, ревности я хотела все бросить... Анна спасла меня. И вот я живу. Дети растут, муж возвращается в семью... Я простила, и вы должны простить!» Алексей Александрович слушал, говорит Толстой, но слова ее уже не действовали на него. Он отряхнулся и заговорил проницательным, громким голосом: «Простить я не могу, и не хочу, и считаю несправедливым. ...Я не злой человек, я никогда никого не ненавидел, но ее я ненавижу всеми силами души и не могу даже простить ее, потому что слишком ненавижу за все то зло, которое она сделала мне!» – проговорил он со слезами злобы в голосе. «Любите ненавидящих вас...» – стыдливо прошептала Дарья Александровна. Алексей Александрович презрительно усмехнулся. Это он давно знал, но это не могло быть приложимо к его случаю. «Любите ненавидящих вас, а любить тех, кого ненавидишь, нельзя. Простите, что я вас расстроил. У каждого своего горя достаточно! – И, овладев собой, Алексей Александрович спокойно простился и уехал» [2, 481]. «Слова Дарьи Александровны о прощении произвели в нем только досаду» [2, 497].

«Две телеграммы», – сказал лакей, входя в комнату. Алексей Александрович, говорит Толстой, взял телеграммы и распечатал. Первая телеграмма было известие о назначении Стрёмова на то самое место, которого желал Каренин. Алексей Александрович бросил депешу и, покраснев, встал и стал ходить по комнате. «Что-нибудь еще в этом роде», – сказал он себе желчно, открывая вторую депешу. Телеграмма была от жены. Подпись ее синим карандашом «Анна», первая бросилась ему в глаза. «Умираю, прошу, умоляю приехать. Умру с прощением спокойнее», – прочел он. «Он презрительно улыбнулся и бросил телеграмму» [2, 498, 499]. Что это был обман и хитрость, в этом, как ему казалось в первую минуту, не могло быть никакого сомнения, говорит Толстой. Он перечел телеграмму; и вдруг прямой смысл того, что было сказано в ней, поразил его. «А если это правда? – сказал он себе. – Если правда, что в минуту страданий и близости смерти она искренно раскаивается, и я, приняв это за обман, откажусь приехать? Это будет не только жестоко, и все осудят меня, но это будет глупо с моей стороны». «Петр, останови карету. Я еду в Петербург», – сказал он лакею.

«Он подъехал к крыльцу» [2, 499]. Швейцар отворил дверь. «Что барыня?» «Вчера разрешились благополучно». Алексей Александрович остановился и побледнел, говорит Толстой. Он ясно понял теперь, с какой силой он желал ее смерти. «А здоровье?» Корней в утреннем фартуке сбежал с лестницы. «Очень плохо, – отвечал он. – Вчера был докторский съезд, и теперь доктор здесь». На вешалке было военное пальто. Алексей Александрович заметил это и спросил: «Кто здесь?» «Доктор, акушерка и граф Вронский». Алексей Александрович прошел во внутренние комнаты. «Дайте же льду скорее!» – сказал из спальни повелительный голос доктора. Алексей Александрович прошел в ее кабинет. У ее стола боком к спинке на низком стуле сидел Вронский и, закрыв лицо руками, плакал. Он вскопчил на голос доктора, отнял руки от лица и увидел Алексея Александровича. Увидав мужа, он так смутился, что опять сел, втягивая голову в плечи, как бы желая исчезнуть куда-нибудь; «но он сделал усилие над собой, поднялся и сказал: «Она умирает. Доктора сказали, что нет надежды...» [2, 500-501]. Алексей Александрович, увидав слезы Вронского,

почувствовал прилив того душевного расстройтва, которое производил в нем вид страданий других людей, и, отворачивая лицо, он, не дослушав его слов, поспешно пошел к двери. Из спальни слышался голос Анны, Алексей Александрович вошел в спальню и подошел к кровати, говорит Толстой. Она лежала, повернувшись лицом к нему. «Да что ж он не едет? Он добр, он сам не знает, как он добр... Ах, какой вздор! – продолжала Анна, не видя мужа. – ...Он еще не приехал. Вы оттого говорите, что не простит, что вы не знаете его. Никто не знал...» [2, 501]. Вдруг она сжалась, затихла и с испугом, как будто ожидая удара, как будто защищаясь, подняла руки к лицу. Она увидела мужа. «Нет, нет, – заговорила она, – я не боюсь его, я боюсь смерти. Алексей, подойди сюда. Я тороплюсь оттого, что мне некогда, мне осталось жить немного, сейчас начнется жар, и я ничего уж не пойму. Теперь я понимаю, и все понимаю, я все вижу». Сморщенное лицо Алексея Александровича, говорит Толстой, приняло страдальческое выражение; он взял ее руку и хотел что-то сказать, но никак не мог выговорить; нижняя губа его дрожала, но он все еще боролся с своим волнением и только изредка взглядывал на нее. И каждый раз, как он взглядывал, он видел глаза ее, которые смотрели на него с такою умиленной и восторженной нежностью, какой он никогда не видел в них. «Подожди, ты не знаешь... Вот что я хотела сказать. Не удивляйся на меня. Я все та же... Но во мне есть другая, я ее боюсь – она полюбила того, и я хотела возненавидеть тебя и не могла забыть про ту, которая была прежде. Та не я. Теперь я настоящая, я вся. Я теперь умираю, я знаю, что умру, спроси у него. ...Одно мне нужно: ты прости меня, прости совсем!... Нет, ты не можешь простить! Я знаю, этого нельзя простить! Нет, нет, уйди, ты слишком хорош!» – Она держала одною горячею рукой его руку, другою отталкивала его. Душевное расстройство Алексея Александровича все усиливалось и дошло теперь до такой степени, что он уже перестал бороться с ним; «он вдруг почувствовал, что то, что он считал душевным расстройством, было, напротив, блаженное состояние души, давшее ему вдруг новое, никогда не испытанное им счастье» [2, 502-503]. Он не думал, что тот христианский закон, которому он всю жизнь свою хотел следовать, предписывал ему прощать и любить своих врагов; но радостное чувство любви и прощения к врагам наполняло его душу, говорит Толстой. Он стоял на коленях и, положив голову на сгиб ее руки, которая жгла его огнем через кофту, рыдал, как ребенок. Она обняла его плешивеющую голову, подвинулась к нему и с вызывающею гордостью подняла кверху глаза. «Вот он, я знала! Теперь прощайте все, прощайте!.. Опять они пришли, отчего они не выходят?.. Да снимите же с меня эти шубы!... Помни одно, что мне нужно было одно прощение, и ничего, больше я ничего не хочу... Отчего ж он не придет? – заговорила она, обращаясь в дверь к Вронскому. – Подойди, подойди! Поддай ему руку». Вронский подошел к краю кровати и, увидав ее, опять закрыл лицо руками. «Открой лицо, смотри на него. Он святой, – сказала она. – Да открой, открой лицо! – сердито заговорила она. – Алексей Александрович, открой ему лицо! Я хочу его видеть». Алексей Александрович взял руки Вронского и отвел их от лица, ужасного по выражению страдания и стыда, которые были на нем. «Поддай ему руку. Прости его». Алексей Александрович подал ему руку, не удерживая слез, которые лились из его глаз. «Слава богу, слава богу, – заговорила она, – теперь все готово. Только немножко вытянуть ноги. Вот так, вот прекрасно. Как эти цветы сделаны без вкуса, совсем не похоже на фиалку, – говорила она, указывая на обои. – Боже мой, боже мой! Когда это кончится? Дайте мне морфину. Доктор! дайте же морфину. Боже мой, боже мой!» [2, 503-504]. И она заметалась на постели. Доктор и доктора говорили, что это была родильная горячка, в которой из ста было 99, что кончится смертью. Ждали конца каждую минуту. На третий день было то же, и доктора сказали, что есть надежда. В этот день Алексей Александрович, говорит Толстой, вышел в кабинет, где сидел Вронский, и, заперев дверь, сел против него. Алексей Александрович взял его за руку. «Я прошу вас выслушать меня, это необходимо. Я должен вам объяснить свои чувства, те, которые руководили мной и будут

руководить, чтобы вы не заблуждались относительно меня. Вы знаете, что я решился на развод и даже начал это дело. Не скрою от вас, что, начиная дело, я был в нерешительности; признаюсь вам, что желание мстить вам и ей преследовало меня. Когда я получил телеграмму, я поехал сюда с теми же чувствами, скажу больше: – я желал ее смерти. Но... – он помолчал в раздумье.... – Но я увидел ее и простил. И счастье прощения открыло мне мою обязанность. Я простил совершенно. Я хочу подставить другую щеку, я хочу отдать рубаху, когда у меня берут кафтан, и молю Бога только о том, чтоб он не отнял у меня счастье прощения!» – Слезы стояли в его глазах, и светлый, спокойный взгляд их поразил Вронского» [2, 504-505]. «Вот мое положение. Вы можете затоптать меня в грязь, сделать посмешищем света, я не покину ее и никогда слова упрека не скажу вам, – продолжал он. – Моя обязанность ясно начертана для меня: я должен быть с ней и буду. Если она пожелает вас видеть, я дам вам знать, но теперь, я полагаю, вам лучше удалиться». Он встал, и рыданье прервало его речь, говорит Толстой. Вронский встал и в нагнутом, невыпрямленном состоянии исподлобья глядел на него. Он был подавлен. «Он не понимал чувства Алексея Александровича, но чувствовал, что это было что-то высшее и даже недоступное ему в его мировоззрении» [2, 505].

Алексей Александрович, говорит Толстой, до этого дня свидания с умирающей женой не знал своего сердца. Он у постели больной жены в первый раз в жизни отдался тому чувству умиленного сострадания, которое в нем вызывали страдания других людей и которого он прежде стыдился, как вредной слабости; и жалость к ней, и раскаяние в том, что он желал ее смерти, «и, главное, самая радость прощения сделали то, что он вдруг почувствовал не только утоление своих страданий, но и душевное спокойствие, которого он никогда прежде не испытывал» [2, 509,510]. Он простил жену и жалел ее за ее страдания и раскаяние. Он простил Вронскому и жалел его, особенно после того, как до него дошли слухи об его отчаянном поступке. Он жалел и сына больше, чем прежде, и упрекал себя теперь за то, что слишком мало занимался им. Но к новорожденной маленькой девочке он испытывал какое-то особенное чувство не только жалости, но и нежности, – и сам не заметил, как он полюбил ее, говорит Толстой. Он по нескольку раз в день ходил в детскую и подолгу сживал там. В такие минуты в особенности Алексей Александрович чувствовал себя совершенно спокойным и согласным с собой и не видел в своем положении ничего необыкновенного, ничего такого, что бы нужно было изменить. «Но чем более проходило времени, тем яснее он видел, что, как ни естественно теперь для него это положение, его не допустят оставаться в нем» [2, 510]. Он ясно видел, что весь свет и жена требовали от него чего-то, но чего именно, он не мог понять. Он чувствовал, говорит Толстой, что за это в душе его поднималось чувство злобы, разрушавшее его спокойствие и всю заслугу подвига. Он считал, что для Анны было бы лучше прервать сношения с Вронским, но, если они все находят, что это невозможно, он готов был даже вновь допустить эти сношения, только бы не срамить детей, не лишаться их и не изменить своего положения. «Как ни было это дурно, это было все-таки лучше, чем разрыв, при котором она становилась в безвыходное, позорное положение, а он сам лишался всего, что любил» [2, 517-518]. Степан Аркадьич вошел в кабинет Алексея Александровича, говорит Толстой. «Я намерен был... я хотел поговорить о сестре и о вашем положении взаимном», – сказал Степан Аркадьич. Алексей Александрович грустно усмехнулся, посмотрел на шурина и, не отвечая, подошел к столу, взял с него начатое письмо и подал шурина. «Я не переставая думаю о том же. И вот что я начал писать, полагая, что я лучше скажу письменно и что мое присутствие раздражает ее, – сказал он, подавая письмо. Степан Аркадьич взял письмо и стал читать. «Я вижу, что мое присутствие тяготит вас. ...Я не раскаиваюсь и никогда не раскаюсь в том, что я сделал; но я желал одного, вашего блага, блага вашей души, и теперь я вижу, что не достиг этого. Скажите мне вы сами, что даст вам истинное счастье и спокойствие вашей души...» [2, 522,523]. Степан

Аркадьич передал назад письмо и с недоумением продолжал смотреть на зятя, не зная, что сказать. «Вот что я хотел сказать ей ... Я желаю знать, чего она хочет», – сказал Алексей Александрович. «Я боюсь, что она сама не понимает своего положения, – оправляясь, говорил Степан Аркадьич. – Она подавлена, именно подавлена твоим великодушием». «Как узнать ее желание?» «Во всяком положении есть выход, – сказал, вставая и оживляясь, Степан Аркадьич» [2, 523]. «Какой же выход из нашего положения?» «Она никогда не выскажет этого. Но одно возможно, одного она может желать, – продолжал Степан Аркадьич, – это – прекращение отношений...». «Развод», – с отвращением перебил Алексей Александрович. «Да, я полагаю, что развод. Да, развод», – краснея, повторил Степан Аркадьич. «Развод, подробности которого он уже знал, теперь казался ему невозможным, потому что чувство собственного достоинства и уважение к религии не позволяли ему принять на себя обвинение в фиктивном прелюбодеянии и еще менее допустить, чтобы жена, прощенная и любимая им, была уличена и опозорена» [2, 524-525]. Согласиться на развод, дать ей свободу значило в его понятии отнять у себя последнюю привязку к жизни детей, которых он любил, говорит Толстой, а у нее – последнюю опору на пути добра и ввергнуть ее в погибель. «Если она будет разведенной женой, он знал, что она соединится с Вронским, и связь эта будет незаконная и преступная, потому что жене, по смыслу закона церкви, не может быть брака, пока муж жив» [2, 525]. «Вопрос только в том, как, на каких условиях ты согласишься сделать развод. Она ничего не хочет, не смеет просить, она все предоставляет твоему великодушию». «Боже мой! Боже мой! за что?» – подумал Алексей Александрович, вспомнив подробности развода, при котором муж брал вину на себя, и тем же жестом, каким закрывался Вронский, закрыл от стыда лицо руками. «Ты взволнован, я это понимаю. Но если ты обдумаешь...» «И ударившему в правую щеку подставь левую, и снимающему кафтан отдай рубашку», – подумал Алексей Александрович. «Да, да! – вскрикнул он визгливым голосом, – я беру на себя позор, отдаю даже сына, но... – но не лучше ли оставить это? Впрочем, делай, что хочешь...». И он, отвернувшись от шурина, так чтобы тот не мог видеть его, сел на стул у окна. «Ему было горько, ему было стыдно; но вместе с этим горем и стыдом он испытывал радость и умиление пред высотой своего смирения» [2, 526]. Через месяц, говорит Толстой, Алексей Александрович остался один с сыном на своей квартире, «а Анна с Вронским уехала за границу, не получив развода и решительно отказавшись от него» [2, 530]. С той минуты, как Алексей Александрович понял из объяснений с Бетси и со Степаном Аркадьичем, что от него требовалось только того, чтоб он оставил свою жену в покое, не утруждая ее своим присутствием, «и что сама жена его желала этого, он почувствовал себя столь потеряннным, что не мог ничего сам решить, не знал сам, чего он хотел теперь...» [2, 614]. Он не мог теперь никак примирить свое недавнее прощение, свое умиление, говорит Толстой, свою любовь к больной жене и чужому ребенку с тем, что теперь было, «то есть с тем, что, как бы в награду за все это, он теперь очутился один, опозоренный, осмеянный, никому не нужный и всеми презираемый» [2, 615]. И изо всех его знакомых у него не было никого близкого. «Много было того, что называется связями; но дружеских отношений не было» [2, 617]. О женских своих друзьях, говорит Толстой, и о первейшем из них, о графине Лидии Ивановне, Алексей Александрович не думал. «Алексей Александрович забыл о графине Лидии Ивановне, но она не забыла его. В эту самую тяжелую минуту одинокого отчаяния она приехала к нему и без доклада вошла в его кабинет» [2, 618]. «Друг мой!» – сказала она прерывающимся от волнения голосом. «Я разбит, я убит, я не человек более! – сказал Алексей Александрович, ... – Положение мое тем ужасно, что я не нахожу нигде, в самом себе не нахожу точки опоры». «Вы найдете опору, ищите ее не во мне, хотя я прошу вас верить в мою дружбу, – сказала она со вздохом. – Опора наша есть любовь, та любовь, которую Он завещал нам. Бремя Его легко, – сказала она с тем восторженным взглядом, который так знал Алексей Александрович.

– Он поддержит вас и поможет вам». «Не потеря того, чего нет теперь, не это, – продолжал Алексей Александрович. – Я не жалею. Но я не могу не стыдиться пред людьми за то положение, в котором нахожусь». «Не вы совершили тот высокий поступок прощения, которым я восхищаюсь и все, но Он, обитая в вашем сердце, – сказала графиня Лидия Ивановна, восторженно поднимая глаза, – и потому вы не можете стыдиться своего поступка». Алексей Александрович нахмурился, говорит Толстой. «Надо знать все подробности, – сказал он тонким голосом. – Силы человека имеют пределы, графиня, и я нашел предел своих. Целый день нынче я должен был делать распоряжения, распоряжения по дому, вытекавшие (он налег на слово вытекавшие, говорит Толстой) из моего нового, одинокого положения. Прислуга, гувернантка, счета... Этот мелкий огонь сжег меня, я не в силах был выдержать. За обедом... я вчера едва не ушел от обеда. Я не мог перенести того, как сын мой смотрел на меня...» [2, 619-620]. «Я понимаю, друг мой, – сказала графиня Лидия Ивановна. – Помощь и утешение вы найдете не во мне, но я все-таки приехала только затем, чтобы помочь вам, если могу. Если б я могла снять с вас все эти мелкие унижающие заботы... Я понимаю, что нужно женское слово, женское распоряжение. Вы поручаете мне?» Алексей Александрович молча и благодарно пожал ее руку. «Но, друг мой, не отдавайтесь этому чувству, о котором вы говорили, – стыдиться того, что есть высшая высота христианина: кто унижает себя, тот возвысится. И благодарить меня вы не можете. Надо благодарить Его и просить Его о помощи. В Нем одном мы найдем спокойствие, утешение, спасение и любовь», – сказала она и, подняв глаза к небу, начала молиться, как понял Алексей Александрович по ее молчанию. Алексей Александрович, говорит Толстой, слушал ее теперь, и те выражения, которые прежде не то что были неприятны ему, а казались излишними, теперь показались естественны и утешительны» [2, 620]. «Я очень, очень благодарен вам и за дела и за слова ваши», – сказал он, когда она кончила молиться. Помощь Лидии Ивановны дала нравственную опору Алексею Александровичу, говорит Толстой, в сознании ее любви и уважения к нему и в особенности в том, что, как ей утешительно было думать, она почти обратила его в христианство, «то есть из равнодушно и лениво верующего обратила его в горячего и твердого сторонника того нового объяснения христианского учения, которое распространилось в последнее время в Петербурге» [2, 621].

Уже несколько дней графиня Лидия Ивановна находилась в сильнейшем волнении, говорит Толстой. Она узнала, что Анна с Вронским в Петербурге. «Кто принес?» «Комиссионер из гостиницы». Графиня Лидия Ивановна долго не могла сесть, чтобы прочесть письмо: «Madame la Comtesse, ...Я несчастна от разлуки с сыном. Я умоляю о позволении видеть его один раз пред моим отъездом. ...Я не предполагаю отказа, зная великодушие того, от кого оно зависит, ...и потому не можете представить ту благодарность, которую во мне возбудит ваша помощь. Анна» [2, 624-625]. Все в этом письме раздражило графиню Лидию Ивановну: «Скажи, что ответа не будет», – сказала графиня Лидия Ивановна и тотчас, открыв бювар, написала Алексею Александровичу, что надеется видеть его в первом часу на поздравлении во дворце. [2, 625]. Поздравление кончалось, говорит Толстой. «Здравствуйте, князь!» – сказал старичок, пожимая руку подошедшему. «Что вы про Каренина говорили?» – сказал князь. «Он и Путятков Александра Невского получили» [2, 626]. Так не переставая говорили об Алексее Александровиче, осуждая его и смеясь над ним, между тем как он, заступив дорогу пойманному им члену Государственного совета, по пунктам излагал ему финансовый проект. Почти в одно и то же время, как жена ушла от Алексея Александровича, говорит Толстой, с ним случилось и самое горькое для служащего человека событие – прекращение восходящего служебного движения. Прекращение это совершилось, и все ясно видели это, но сам Алексей Александрович не сознавал еще того, что карьера его кончена. Столкновение ли со Стремовым, несчастье ли с женой, или просто то, что Алексей Александрович дошел до предела, который ему был предназначен, но для всех в

нынешнем году стало очевидно, что служебное поприще его кончено. Он еще занимал важное место, он был членом многих комиссий и комитетов, говорит Толстой; но он был человеком, который весь вышел и от которого ничего более не ждуг. «Алексей Александрович не только не замечал своего безнадежного положения в служебном мире и не только не огорчался им, но больше чем когда-нибудь был доволен своею деятельностью» [2, 627-628]. «Женатый заботится о мирском, как угодить жене, неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу», – говорит апостол Павел, и Алексей Александрович, во всех делах руководивший теперь Писанием, часто вспоминал этот текст. Очевидное нетерпение члена Совета, желавшего уйти от него, не смущало Алексея Александровича; он перестал излагать, только когда член, воспользовавшись проходом лица царской фамилии, ускользнул от него. Оставшись один, Алексей Александрович опустил голову, собирая мысли, потом рассеянно оглянулся и пошел к двери, у которой надеялся встретить графиню Лидию Ивановну. «И как они все сильны и здоровы физически, – подумал Алексей Александрович, глядя на могучего с расчесанными душистыми бакенбардами камергера и на красную шею затянутого в мундире князя, мимо которых ему надо было пройти. – Справедливо сказано, что все в мире есть зло, – подумал он, косясь еще раз на икры камергера. «Неторопливо передвигая ногами, Алексей Александрович с обычным видом усталости и достоинства поклонился этим господам, говорившим о нем, и, глядя в дверь, отыскивал глазами графиню Лидию Ивановну». [2, 628]. Увидав воздымающиеся из корсета желтые плечи графини Лидии Ивановны, вышедшей в дверь, Алексей Александрович улыбнулся, и подошел к ней. «Поздравляю вас», – сказала она ему, указывая глазами на ленту. Сдерживая улыбку удовольствия, он пожал плечами, закрыв глаза, как бы говоря, что это не может радовать его. «Графиня Лидия Ивановна знала хорошо, что это одна из его главных радостей, хотя он никогда и не признается в этом» [2, 629] «Вы приедете ко мне, – сказала графиня Лидия Ивановна, помолчав, – нам надо поговорить о грустном для вас деле. ...Я получила от нее письмо. Она здесь, в Петербурге». Алексей Александрович, говорит Толстой, вздрогнул при упоминании о жене, но тотчас же на лице его установилась та мертвая неподвижность, которая выражала совершенную беспомощность в этом деле. «Я ждал этого», – сказал он. Графиня Лидия Ивановна посмотрела на него восторженно, и слезы восхищения пред величием его души выступили на ее глаза. Когда Алексей Александрович вошел в маленький, уютный кабинет графини Лидии Ивановны, «самой хозяйки еще не было. Она передевалась» [2, 630]. «Ну вот, теперь мы сядем спокойно, – сказала графиня Лидия Ивановна, – и поговорим за нашим чаем». Она передала в руки Алексея Александровича полученное ею письмо. Прочтя письмо, он долго молчал. «Я не полагаю, чтоб я имел право отказать ей», – сказал он робко, подняв глаза. «Друг мой! Вы ни в ком не видите зла!» «Я, напротив, вижу, что все есть зло. Но справедливо ли это?..» В лице его была нерешительность, говорит Толстой, и искание совета, поддержки и руководства в деле, для него непонятном. «Нет, – перебила его графиня Лидия Ивановна. – Есть предел всему. Я понимаю безнравственность, ...но я не понимаю жестокости, к кому же? к вам! Как оставаться в том городе, где вы? Нет, век живи, век учишь. И я учусь понимать вашу высоту и ее низость». «А кто бросит камень? – сказал Алексей Александрович, очевидно довольный своей ролью. – Я все простил и потому не могу лишать ее того, что есть потребность любви для нее – любви к сыну...». «Но любовь ли это, друг мой? Положим, вы простили, вы прощаете... но имеем ли мы право действовать на душу этого ангела? Он считает ее умершею. Он молится за нее и просит Бога простить ее грехи... И так лучше. А тут что он будет думать?» [2, 631-632]. «Я не думал этого», – сказал Алексей Александрович. Графиня Лидия Ивановна закрыла лицо руками и помолчала. Она молилась. «Если вы спрашиваете моего совета, – сказала она, помолвившись и открывая лицо, – я не советую, и, если вы разрешите мне, я напишу к ней». И Алексей Александрович согласился, говорит

Толстой, и графиня Лидия Ивановна написала следующее французское письмо: «Милостивая государыня,.... прошу понять отказ вашего мужа в духе христианской любви. Прошу Всевышнего о милосердии к вам. Графиня Лиди». «С своей стороны Алексей Александрович, вернувшись от Лидии Ивановны домой, не мог в этот день предаться своим обычным занятиям и найти то душевное спокойствие верующего и спасенного человека, которое он чувствовал прежде» [2, 632]. Воспоминание о жене, которая так много была виновата пред ним и пред которою он был так свят, как справедливо говорила ему графиня Лидия Ивановна, не должно было бы смущать его; но он не был спокоен, говорит Толстой. Воспоминание о том, как он принял, возвращаясь со скачек, ее признание в неверности (то в особенности, что он требовал от нее только внешнего приличия, а не вызвал на дуэль, говорит Толстой), как раскаяние, «мучало» его. Также «мучало» его воспоминание о письме, которое он написал ей; в особенности его прощение, никому не нужное, и его заботы о чужом ребенке жгли его сердце стыдом и раскаянием. «Но в чем же я виноват?» – говорил он себе. И этот вопрос всегда вызывал в нем другой вопрос – о том, иначе ли чувствуют, иначе ли любят, иначе ли женятся эти другие люди, эти Бронские, Облонские... эти камергеры с толстыми икрами. И ему представлялся целый ряд этих сочных, сильных, не сомневающихся людей, которые невольно всегда и везде обращали на себя его любопытное внимание. Он отгонял от себя эти мысли, говорит Толстой, он старался убеждать себя, что он живет не для здешней, временной жизни, а для вечной, что в душе его находится мир и любовь. Но то, что он в этой временной, ничтожной жизни сделал, как ему казалось, некоторые ничтожные ошибки, «мучало» его так, как будто и не было того вечного спасения, в которое он верил. «Но искушение это продолжалось недолго, и скоро опять в душе Алексея Александровича восстановилось то спокойствие и та высота, благодаря которым он мог забывать о том, чего не хотел помнить» [2, 633].

Степан Аркадьич обещал сестре Анне добиться от Каренина решительного ответа о разводе. «И, выпросив у Долли пятьдесят рублей, он уехал в Петербург» [2, 872]. «Что, собственно, вы хотите от меня? – «повертываясь» на кресле и защелкивая свой *pinse-pez*, сказал Каренин. «Решения, какого-нибудь решения, Алексей Александрович.Ты должен пожалеть ее», – сказал он. [2, 875, 876]. «То есть в чем же, собственно?» – тихо сказал Каренин. «Ах, Алексей Александрович, ...ты знаешь, чего она желает и ждет, – развода» [2, 876]. «Я должен обдумать и поискать указаний. Послезавтра я дам вам решительный ответ», – сообразив что-то, сказал он» [2, 878]. На другой день Степан Аркадьич «получил от Алексея Александровича положительный отказ о разводе Анны...» [2, 895].

«Раздался звонок, Анна «поднялась на высокую ступеньку и села одна в купе на пружинный испачканный, когда-то белый диван» [2, 927]. Когда поезд подошел к станции, Анна вышла в толпе других пассажиров...» [2, 929] Она пошла по платформе мимо станции, говорит Толстой, ускорила шаг и отошла к краю платформы. Подходил товарный поезд. Платформа затряслась, и ей показалось, что она едет опять. «Быстрым, легким шагом спустившись по ступенькам, которые шли от водокачки к рельсам, она остановилась подле вплоть мимо ее проходящего поезда. [2, 930] Она хотела упасть под поравнявшийся с ней серединою первый вагон. Но красный мешочек, который она стала снимать с руки, задержал ее, и было уже поздно: середина миновала ее. Надо было ждать следующего вагона. Но она не спускала глаз с колес подходящего второго вагона. И ровно в ту минуту, как середина между колесами поравнялась с нею, она откинула красный мешочек и, вжав в плечи голову, упала под вагон на руки и легким движением, как бы готовясь тотчас же встать, опустилась на «колена». «Она хотела подняться, откинуться; но что-то огромное, неумолимое толкнуло ее в голову и потащило за спину» [2, 931].

После описанных событий «муж...взял ее дочь. Каренин приезжал на похороны» [2, 943]. Вронский едет в Сербию на войну с турками. «Да еще не один, а эскадрон ведет на свой счет!» [2, 974].

Итак, смысл трагедии Анны Карениной в одноименном романе Л.Н. Толстого раскрывается уже в начале романа эпитафией к роману: «*Мне отмщение, и Аз воздам*». Идею Л.Н. Толстого «непротивление злу насилием» можно выразить фразой из Послания Павла римлянам «¹⁹Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь. ²⁰Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья. ²¹Не будь побежден злом, но побеждай зло добром» [1, 1239].

Список литературы

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета, Библейские общества, М, 1995.
2. *Толстой Л.Н.* Анна Каренина, Москва: Миф, 2024.

ПОНЯТИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ФИЛОСОФИИ

Гасанова А.А.

Гасанова Амина Агамоглан кызы – кандидат философских наук, доцент
Сумгаитский государственный университет
г. Сумгаит, Азербайджанская Республика

***Аннотация:** справедливость в современном философско-правовом осмыслении выступает одним из ключевых оснований морального и правового порядка. Она формирует ценностное ядро системы нравственных координат, вокруг которого выстраиваются другие моральные категории, наполняясь соответствующим содержанием. В общественном сознании справедливость выполняет функцию нормативного ориентира, посредством которого социальные и правовые отношения оцениваются с позиции преобладающих представлений о должном. В правовом контексте данное понятие раскрывается через динамику статуса личности, а также через изменение её роли и возможностей в социальной среде.*

***Ключевые слова:** справедливость, ценность, личность, концепция, закон.*

Философская традиция связывает справедливость с моральной оценкой человеческих поступков и поведения. Именно благодаря этому принципу правовые нормы приобретают нравственное измерение и перестают быть исключительно формальными регуляторами. Справедливость обеспечивает включение права в более широкий механизм морального воздействия на общественные процессы. Не случайно она закреплена в международных правовых актах, включая Устав Организации Объединённых Наций, где признаётся фундаментальной основой мирного урегулирования конфликтов и поддержания глобального порядка.

Проблематичность категории справедливости во многом обусловлена пересечением двух различных подходов. С одной стороны, моральное понимание ориентировано на идею равенства и универсальных ценностей, с другой — правовая реальность отражает фактическое социальное неравенство и различие интересов. Уже античные мыслители подчёркивали тесную связь между законностью и справедливостью, указывая на то, что право утрачивает свою легитимность при утрате справедливого содержания [1, 94].

В условиях современного общества справедливость всё чаще включает субъективный компонент, связанный с индивидуальным восприятием социальной реальности. Это обстоятельство затрудняет её однозначное отождествление с истиной, поскольку представления о справедливом формируются под влиянием личного опыта, культурных установок и конкретных жизненных условий. В результате возможны противоположные оценки одних и тех же событий, что свидетельствует о сложности и многомерности данного феномена.

Особенно остро проблема справедливости проявляется в ситуациях, когда воздаяние не соответствует совершенному поступку. Практика показывает, что в реальных социальных и правовых отношениях возможны как наказание невиновных, так и оправдание очевидных нарушений. Это подчёркивает необходимость рассматривать справедливость не только как инструмент индивидуальной оценки поведения, но и как средство анализа общественного устройства, выявления его противоречий и определения направлений дальнейшего развития [3, 49].

Значительный вклад в формирование теоретических представлений о справедливости внесли классические философы. Аристотель рассматривал её как нравственный идеал, связанный с добродетелью и соразмерностью отношений между людьми. В его учении справедливость выступает не внешним требованием, а

внутренней установкой личности, направляющей практическую деятельность. Закон, ориентированный на реализацию добродетелей, становится критерием справедливого поведения и основой устойчивого общественного порядка [2, 323].

В философии Нового времени данная проблематика получила развитие в трудах Гегеля, который подчёркивал значение справедливого законодательства для функционирования гражданского общества. Он исходил из представления о наличии объективного принципа справедливости, проявляющегося в системе права, деятельности государственных институтов и общественном сознании. В этом смысле справедливость выступает выражением исторически сложившихся социальных ценностей. [4, 264].

В дальнейшем категория справедливости получила различные интерпретации в рамках либеральных и коммунитарных концепций. Либеральный подход акцентирует внимание на нейтральной роли государства и равенстве прав субъектов, тогда как коммунитаризм подчёркивает значимость социальных связей, солидарности и коллективной ответственности. Особое место занимает теория Дж. Роулса, в которой справедливость рассматривается как совокупность принципов, регулирующих допустимые границы социального и экономического неравенства [5, 65].

В отечественной философско-правовой мысли справедливость традиционно понимается как требование соразмерности между правами и обязанностями личности, деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением. При этом подчёркивается невозможность полного уравнивания людей, поскольку справедливость предполагает учёт реальных различий между ними. Формальное равенство без анализа социальных условий способно привести к противоположному результату — усилению несправедливости [6, 146].

В целом справедливость в праве может быть определена как нравственно-правовой идеал, находящий отражение в правосознании, законодательстве и правоприменительной практике. Она служит критерием легитимности общественного порядка и посредником между моральными ценностями и юридическими нормами. Стремление к справедливости остаётся устойчивой характеристикой человеческого сознания и сохраняет свою актуальность в условиях трансформации современных правовых систем.

Список литературы

1. *Алексеева Т.А.* Справедливость как политическая концепция: очерки современных западных дискуссий. - М.: Моск. обществ. фонд, 2001. С. 94.
2. Аристотель. Политика Аристотеля: Пер. с греч. яз. / С примеч. Н. Скворцова. - 2-е изд. - Москва: Унив. тип., 1893. 333 с.
3. Аристотель. Сочинения: В 4 т.: Т. 4 / [ред. и авт. вступ. ст. А.И. Доватур, Ф.Х. Кессиди; примеч. В. В. Бибихина и др.]. - Москва: Мысль, 1975 - 1983. С. 324.
4. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права; [Авт. вступ. ст., с. 3-43, и примеч. В. С. Нерсесянц]; АН СССР, Ин-т философии. - Москва: Мысль, 1990. С. 264.
5. *Гринберг Л.Г.* Критика современных буржуазных концепций справедливости; АН СССР, Ленингр. кафедра философии. - Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 49.
6. *Муромцев С.А.* Определение и основное разделение права. - [2-е изд., доп.]. - СПб.: Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2004 (ГИПП Искусство России). С. 146.
7. *Ролз Д.* Теория справедливости; науч. ред. В.В. Целищев [пер. с англ. В. В. Целищева при участии В.Н. Карповича и А.А. Шевченко]. - Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. С. 65.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОВ ЛЕЧЕНИЯ ГИПЕРТРОФИЧЕСКОГО ГИНГИВИТА У ДЕТЕЙ

Эшимова С.Т.¹, Муртазаев С.С.²

¹Эшимова Сайёра Турсуновна. – ассистент,

²Муртазаев Саидмуродхон Саидаълоевич – заведующий кафедрой, профессор, доктор
медицинских наук,

кафедра детская терапевтическая стоматология

Ташкентский государственный медицинский университет

г. Ташкент, Республика Узбекистан

Аннотация: заболевания пародонта у детей и подростков занимают одно из ведущих мест в структуре стоматологической заболеваемости. Среди них особое значение имеет гипертрофический гингивит, который характеризуется хроническим воспалительным процессом с преобладанием пролиферативных изменений в тканях десны. Данная форма гингивита чаще встречается у детей школьного возраста и подростков, что связано с гормональной перестройкой организма, недостаточной гигиеной полости рта и наличием местных раздражающих факторов.

Ключевые слова: гингивит, стоматология, здоровье, детский возраст.

Введение. Заболевания пародонта у детей и подростков занимают одно из ведущих мест в структуре стоматологической заболеваемости. Среди них особое значение имеет гипертрофический гингивит, который характеризуется хроническим воспалительным процессом с преобладанием пролиферативных изменений в тканях десны. Данная форма гингивита чаще встречается у детей школьного возраста и подростков, что связано с гормональной перестройкой организма, недостаточной гигиеной полости рта и наличием местных раздражающих факторов.

Гипертрофический гингивит не только ухудшает качество жизни ребёнка, вызывая дискомфорт, кровоточивость и эстетические нарушения, но и может служить предпосылкой для развития более тяжёлых заболеваний пародонта. В связи с этим совершенствование методов лечения данной патологии у детей является актуальной задачей современной детской стоматологии.

Целью данной статьи является анализ современных подходов и перспектив совершенствования лечения гипертрофического гингивита у детей.

Гипертрофический гингивит развивается под влиянием комплекса местных и общих факторов. К местным этиологическим факторам относятся зубной налёт и зубной камень, травмирование десны ортодонтическими конструкциями, аномалии прикуса, кариозные полости, нависающие края пломб. Существенную роль играет неудовлетворительная гигиена полости рта, характерная для детского возраста.

К общим факторам относятся эндокринные изменения (период полового созревания), гиповитаминозы, заболевания желудочно-кишечного тракта, снижение иммунологической реактивности организма, а также приём некоторых лекарственных препаратов.

В патогенезе гипертрофического гингивита ведущую роль играют воспалительные реакции, сопровождающиеся усиленной пролиферацией эпителия и соединительной ткани. В результате нарушается микроциркуляция, развивается отёк, увеличивается объём десневых сосочков и краевой десны. Различают отёчную и фиброзную формы гипертрофического гингивита, что имеет важное значение для выбора тактики лечения.

Клинически гипертрофический гингивит проявляется увеличением и деформацией десневых сосочков, которые могут частично или полностью покрывать коронки зубов. Пациенты жалуются на кровоточивость при чистке зубов, неприятные

ощущения, зуд и жжение в области дёсен. В отёчной форме отмечается яркая гиперемия и мягкая консистенция тканей, тогда как фиброзная форма характеризуется плотной, бледно-розовой десной и менее выраженной кровоточивостью.

Диагностика основывается на данных анамнеза, клинического осмотра и оценки гигиенического состояния полости рта. Важным этапом является дифференциальная диагностика с пародонтитом, лекарственной гиперплазией дёсен и системными заболеваниями. Дополнительно могут использоваться индексы гигиены и воспаления, что позволяет объективно оценить эффективность проводимого лечения.

Лечение гипертрофического гингивита у детей должно быть комплексным и направленным на устранение причин заболевания, купирование воспалительного процесса и восстановление нормального состояния тканей пародонта.

На первом этапе проводится профессиональная гигиена полости рта, включающая удаление мягких и твёрдых зубных отложений. Обязательным является обучение ребёнка и его родителей правильной индивидуальной гигиене.

Консервативное лечение включает применение противовоспалительных и антисептических средств в виде полосканий, аппликаций и гелей. Широко используются препараты на основе хлоргексидина, растительных экстрактов, а также средств, улучшающих микроциркуляцию и трофику тканей. Физиотерапевтические методы, такие как дарсонвализация, лазеротерапия и электрофорез с лекарственными веществами, способствуют уменьшению воспаления и ускорению регенерации тканей.

При фиброзной форме гипертрофического гингивита и отсутствии эффекта от консервативной терапии показано хирургическое лечение — гингивэктомия или гингивотомия, проводимые с учётом возраста ребёнка и степени выраженности патологического процесса.

Совершенствование лечения гипертрофического гингивита у детей предполагает внедрение современных технологий и индивидуализированного подхода. Перспективным направлением является использование лазерных методик, которые обеспечивают минимальную травматизацию тканей, снижение болевого синдрома и сокращение сроков заживления.

Особое внимание уделяется применению препаратов с иммуномодулирующим и пробиотическим действием, направленных на восстановление микробного баланса полости рта. Развитие персонализированной стоматологии позволяет учитывать возрастные, гормональные и соматические особенности ребёнка при выборе схемы лечения.

Важной составляющей совершенствования является профилактическая направленность: регулярные осмотры, диспансерное наблюдение детей из групп риска, а также санитарно-просветительная работа с детьми и их родителями.

Заключение. Гипертрофический гингивит у детей является распространённым заболеванием, требующим комплексного и своевременного лечения. Современные методы терапии позволяют эффективно устранять воспалительные изменения и предупреждать развитие осложнений. Совершенствование лечения должно основываться на сочетании инновационных технологий, индивидуального подхода и профилактических мероприятий, что способствует улучшению стоматологического здоровья детского населения.

Список литературы

1. *Абдуазимова-Озсойлу Л.А. и др.* Стоматологический статус детей младшего школьного возраста //Вестник науки и образования. – 2022. – № 9 (129). – С. 87-93.
2. *Васильева Н.А., Булгакова А.И., Солдатова Е.С.* Характеристика стоматологического статуса пациентов с воспалительными заболеваниями пародонта //Казанский медицинский журнал, 2017.-N 2.-С. 204-210.

3. *Гарус Я.Н.* Комплексное лечение хронического катарального гингивита с применением микровиброакустического и инфракрасного воздействия в сочетании с антиоксидантной защитой / Я.Н. Гарус, Р.М. Антошкиева // Российский стоматологический журнал. - 2011. - №5. - С. 18-20.
4. *Горбачева Л.Е.* Влияние хлоргексидина на зубной налет и регенеративные процессы в полости рта после SRP (cleaningandrootplanning) // Новое в стоматологии, 2017.-N 6.- С. 55-56.
5. *Громова Л.Е., Оправин А.С., Чернышева Е.Е.* Фармакологическая коррекция препаратом из чеснока хронического генерализованного катарального гингивита //Фармация, 2016.-N 5.-С. 51-53.
6. *Демина К.Ю., Гришилова Е.Н., Коджакова Т.Ш., Гаража С.Н.* Оценка клинических результатов применения фотодинамической и лазерной терапии при лечении катарального гингивита // Медицинский вестник Северного Кавказа, 2016.-N 4.-С. 592-593.
7. *Доменюк Д.А., Гильмиярова Ф.Н., Ведешина Э.Г., Ивченко Л.Г.* Диагностическая значимость клинико-функциональных и иммунологических исследований в оценке эффективности комплексной терапии хронического гингивита // Институт стоматологии, 2017.-N 2.-С. 30-33.
8. *Киселева Е.А.* Клинико-лабораторное обоснование применения иммунокоррекции в комплексном лечении хронического катарального гингивита / Е.А. Киселева, А.А. Коростелев // Стоматология. - 2007. - №1. - С. 34-37.
9. *Кисельникова Л.П., Кузнецова Г.И.* Применение фотодинамической 14 терапии при лечении гингивита в детском возрасте // Клиническая стоматология, 2016.-N 2.-С. 4-8.
10. *Константинова В.Е.* Безопасность и обоснование использования триклозана для направленной коррекции микробной экологии зубной бляшки / В.Е. Константинова // Новое в стоматологии. - 2010. - №5 (169). - С. 38-40.
11. *Кузнецова Г.И., Ермольев С.Н., Кисельникова Л.П.* Оценка эффективности при лечении гингивита у детей по данным функциональных методов исследования //Институт стоматологии, 2016. -N 4.-С. 80-83.
12. *Муродов Алишер Шарофхонович.* "Фалсафа доктори (PhD) диссертацияси авторефераты мундарижасп Оглавление автореферата диссертации доктора философии (P11D)."

ФОРМАЛИЗАЦИЯ ТЕКСТОВЫХ ДНЕВНИКОВ САМОЧУВСТВИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ

Тихонов А.С.

*Тихонов Александр Сергеевич - независимый исследователь
г. Москва*

Аннотация: *текстовые дневники самочувствия в настоящий момент широко применяются в исследовательских работах о качестве жизни, а также в психологии и поведенческой медицине. С их помощью осуществляется фиксация субъективного состояния человека в естественной форме, однако это создает трудности при последующем анализе и сравнении данных. В статье рассматривается подход к формализации текстовых дневников самочувствия с использованием больших языковых моделей (LLM) как инструмента смыслового анализа и кодирования. Основное внимание уделяется методам перевода свободных описаний в структурированные категории без интерпретации причин состояния и выхода за рамки исходного текста. В рамках данной работы не подразумевается медицинское применение систем анализа текста.*

Ключевые слова: *текстовые данные; анализ естественного языка; семантическая нормализация; формализация данных; классификация состояний; языковые модели.*

Введение

Саморефлексия в письменной форме давно используется как инструмент детального наблюдения за состоянием человека. Дневники самочувствия используются как в научных исследованиях, так и в прикладных системах контроля и мониторинга, где важно сохранить индивидуальную манеру описания состояний в определенный момент времени. В отличие от формализованных анкет и шкал, текстовые записи не ограничивают пользователя рамками заранее заданных формулировок. Это позволяет зафиксировать нюансы, которые сложно выразить численно.

Зачастую проблема возникает на этапе анализа, так как свободный текст плохо поддается формализации, а ручная разметка требует значительных ресурсов и неизбежно вносит субъективность исследователя. Именно поэтому особой актуальностью пользуется поиск методов, которые позволяют обрабатывать такие данные систематизировано и воспроизводимо.

Особенности текстовых данных о самочувствии

Текстовые записи о самочувствии обладают рядом характерных черт:

- отсутствием единого словаря описаний;
- высокой контекстной зависимостью;
- смещением физических, эмоциональных и когнитивных аспектов;
- неявным выражением интенсивности состояния.

Даже краткая запись может содержать несколько смысловых слоев, не разделенных формально. В результате этого прямое сравнение текстов между собой оказывается затруднительным.

Подход к формализации без интерпретации

В рамках рассматриваемого подхода формализация не понимается как объяснение или оценка состояния, а как структурный упорядоченный набор смыслов, которые уже присутствующих в тексте. Принципиально важно - система не делает выводов о причинах самочувствия и не сопоставляет его с внешними факторами.

Тогда процесс формализации можно определить следующими шагами:

- выявление смысловых фрагментов;

- приведение разных формулировок к сопоставимым описаниям;
- отнесение этих описаний к заранее определенным категориям.

Таким образом, результатом обработки будет являться структурированное представление текста, а не его интерпретация.

Роль языковых моделей

Языковые модели используются как инструменты для анализа, которые способны работать с вариативностью естественного языка. Основной функционал заключается в следующем:

- распознавание сходных смыслов, выраженных разными словами;
- разделение сложных описаний на логически связанные компоненты;
- преобразование текста в формализованный набор признаков.

Важно подчеркнуть, что модель не формирует новых суждений и не обобщает данные за пределами конкретной записи, а действует в рамках строго заданных правил и схем.

Структурирование дневниковых записей

Категориальная схема

Для формализации используется ограниченный набор категорий, например:

- телесные ощущения;
- эмоциональный фон;
- когнитивное состояние;
- уровень активности и утомления.

Каждая категория описывается дискретным набором состояний, определенных заранее. Одна запись может быть соотнесена сразу с несколькими категориями.

Последовательность обработки

1. текст дневниковой записи поступает на вход системы;
2. языковая модель выделяет смысловые элементы;
3. элементы приводятся к унифицированному виду;
4. осуществляется сопоставление с формальной схемой;
5. формируется структурированная запись.

Благодаря этому подходу появляется возможность анализировать большие массивы данных из дневников, сохраняя исходный смысл без искажений.

Преимущества метода

Использование языковых моделей для формализации дневников самочувствия имеет ряд преимуществ:

- снижение нагрузки на исследователей;
- повышение сопоставимости данных;
- сохранение естественного языка пользователя;
- возможность последующего количественного анализа.

Метод особенно эффективен в исследованиях, где важна динамика состояния, отнесенная во времени, а не разовая оценка.

Ограничения и условия применения

Ограничения подхода связаны с качеством исходных текстов и необходимостью кропотливой разработки классификационной схемы. Кроме того, полученные структурированные данные не могут использоваться для диагностики или клинических выводов без дополнительных источников информации и экспертных заключений профильных специалистов.

Заключение

Формализация текстовых дневников самочувствия с использованием языковых моделей позволяет объединить гибкость свободного описания с требованиями системного анализа. Этот подход создает основу для структурной работы с субъективными данными, сохраняя их содержательную ценность и обеспечивая воспроизводимость результатов, что делает его перспективным для научных и прикладных исследований.

Список литературы

1. Болджер Н., Дэвис А., Рафаэли Э. Дневниковые методы: фиксация повседневного опыта человека // Ежегодный обзор психологии. — 2003. — Т. 54. — С. 579–616.
2. Стоун А., Шиффман С. Экологическая моментальная оценка в поведенческой медицине // Анналы поведенческой медицины. — 1994. — Т. 16, № 3. — С. 199–202.
3. Браун В., Кларк В. Тематический анализ в психологии // Качественные исследования в психологии. — 2006. — Т. 3, № 2. — С. 77–101.
4. Салданья Дж. Руководство по кодированию качественных данных. — 3-е изд. — Лондон: SAGE Publications, 2016.
5. Миллер Т. Объяснимость в искусственном интеллекте: взгляд социальных наук // Искусственный интеллект. — 2019. — Т. 267. — С. 1–38.
6. Мохаммад С. Анализ тональности и эмоциональных состояний в тексте // Измерение эмоций. — Кембридж: Woodhead Publishing, 2016.
7. Вибе Дж., Уилсон Т., Карди К. Аннотирование выражений мнений и эмоций в языке // Языковые ресурсы и оценка. — 2005. — Т. 39. — С. 165–210.
8. Ван Гемерт-Пийнен Й. и др. Персуазивные цифровые технологии в здравоохранении // Международный журнал исследований взаимодействия человека и компьютера. — 2018.
9. ОЭСР. Здравоохранение в XXI веке: использование данных для повышения устойчивости систем здравоохранения. — Париж: OECD Publishing, 2019.

ПОСТРОЕНИЕ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ: НЕЙРОСЕМАНТИЧЕСКОЕ КАРТИРОВАНИЕ И МНОГОМЕРНЫЙ АНАЛИЗ КОГНИТИВНЫХ ПРОСТРАНСТВ

Белов М.С.

*Белов Матвей Сергеевич – магистрант,
кафедра прикладной информатики,
Московский политехнический университет,
г. Москва*

Аннотация: в статье представлен анализ современного тренда в когнитивной нейронауке — перехода от описательных моделей к построению количественных, *data-driven* моделей высших психических функций. Этот тренд рассматривается на примере двух взаимосвязанных диссертационных исследований, выполненных в рамках одной научной школы. Работа З.А. Носовца (2024) демонстрирует применение методов машинного обучения (регуляризованная регрессия, *word2vec*, кластерный анализ) для построения нейросемантических карт — распределённого представления смысловых категорий в коре головного мозга на основе данных фМРТ и естественной речи. Исследование В.А. Орлова (2021) посвящено созданию модели когнитивного пространства базовых типов мышления (пространственного, образного, вербального) с использованием многомерного статистического анализа (GLM, алгоритм Сэммона) данных фМРТ, ЭЭГ и экспертных оценок. Проведённый сравнительный анализ выявляет общую методологическую основу обоих исследований: сложный инженерный пайплайн обработки данных, нацеленный на построение интерпретируемых моделей. Утверждается, что данные работы представляют собой два взаимодополняющих уровня моделирования: уровень репрезентаций конкретного содержания (семантика) и уровень абстрактной системной архитектуры (типы мышления). Делается вывод о формировании новой

междисциплинарной парадигмы, в которой методы анализа данных и машинного обучения становятся основным инструментом для построения вычислительных моделей когнитивных процессов.

Ключевые слова: *когнитивная нейронаука, машинное обучение, анализ данных фМРТ, нейросемантические карты, когнитивное пространство, data-driven моделирование, высшие психические функции.*

УДК 159.9

Введение

Исследование нейробиологических основ высших психических функций, таких как речь, мышление и категоризация, сталкивается с ключевым методологическим вызовом. Традиционные подходы, направленные на поиск локализации отдельных функций, оказываются недостаточными для описания сложных, распределённых и динамических паттернов мозговой активности, лежащих в основе когнитивных процессов. Разрешение этого вызова связано с переходом к построению количественных моделей, непосредственно извлекаемых из данных, с применением методов машинного обучения и многомерного статистического анализа.

При проектировании современных нейрокогнитивных исследований учёный выбирает между проверкой узких гипотез о работе отдельных зон мозга и подходом, позволяющим данным «самым говорить» об их организации. Второй, data-driven подход, минимизирует априорные предположения и ставит во главу угла задачу обнаружения скрытых структур в сложных многомерных массивах, таких как данные функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ).

В диссертационных работах последних лет этот подход реализуется в двух взаимодополняющих направлениях, на примере которых строится настоящая статья. Первое направление, представленное в исследовании З.А. Носовца, нацелено на нейросемантическое картирование – построение модели, связывающей конкретное смысловое содержание естественного языка с паттернами активации коры головного мозга [1]. Второе направление, развитое в работе В.А. Орлова, решает задачу более высокого уровня абстракции – построение модели когнитивного пространства, описывающего системную организацию базовых типов мышления (пространственного, образного, вербального) на основе интегрального анализа данных фМРТ, ЭЭГ и психологических оценок [2].

Таким образом, актуальность данной статьи заключается в сравнительном анализе этих двух работ как репрезентативных примеров формирующейся data-driven парадигмы в когнитивной нейронауке. Целью является выявление их общей методологической логики, взаимодополняющего характера (уровень конкретных репрезентаций vs. уровень абстрактной архитектуры) и формулировка на этой основе выводов о современном тренде в моделировании высших психических функций.

Data-driven подход в когнитивной науке: методологический фундамент

Современный этап развития когнитивной нейронауки характеризуется переходом от гипотетико-дедуктивной к data-driven парадигме исследования. В основе этого перехода лежит изменение ответа на ключевой вопрос: что является первоисточником научного знания о работе мозга? Традиционная парадигма постулирует, что таким источником является психологическая или нейрофизиологическая теория, которую исследователь стремится подтвердить или опровергнуть, используя данные как инструмент верификации. Data-driven подход кардинально меняет эту логику, утверждая, что сами данные, особенно в их «сыром», многомерном и комплексном виде, должны выступать генератором гипотез и моделей [1].

Методологический фундамент такого подхода строится на трёх основных принципах:

- Первичность данных над гипотезой. Исследование начинается не с формулировки узкой гипотезы о конкретном нейронном корреляте, а со сбора максимально полного и сложного массива данных (например, всей временной динамики BOLD-сигнала по всему мозгу в ходе выполнения естественной задачи). Исходные допущения минимизируются, чтобы не навязать данным заранее ожидаемую структуру.

- Алгоритмический поиск паттернов. Роль исследователя смещается от интерпретатора заранее ожидаемых эффектов к архитектору и интерпретатору вычислительных пайплайнов. Данные пайплайны, построенные на методах машинного обучения и многомерной статистики (регрессия, кластеризация, многомерное шкалирование), автоматически «просеивают» данные в поисках устойчивых структур, кластеров, измерений или карт, не заданных априори [2].

- Интерпретация модели. Содержательная интерпретация теперь следует за анализом, а не предшествует ему. Исследователь объясняет не подтверждение гипотезы, а структуру, обнаруженную алгоритмом (например, семантический кластер или ось когнитивного пространства).

Ключевым типом данных, требующим и одновременно позволяющим реализовать data-driven подход в когнитивных исследованиях, являются данные функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ). Их преимущество – высокое пространственное разрешение и возможность неинвазивно регистрировать активность всего мозга. Однако они же представляют и главный вызов: каждый эксперимент генерирует сотни тысяч пространственных точек (вокселей), каждая из которых содержит временной ряд из тысяч измерений. Такой массив данных характеризуется колоссальной размерностью, высокой зашумленностью, наличием артефактов и сложными пространственно-временными корреляциями. Ручной или традиционный статистический анализ подобных массивов не просто затруднён – он принципиально не способен выявить скрытые в них многомерные и нелинейные закономерности [1].

Таким образом, именно на фоне этого методологического и технического вызова обретают особую значимость исследования, демонстрирующие целостные решения. В них комплексные data-driven пайплайны не просто декларируются, а реализуются на практике для построения конкретных моделей когнитивных процессов. Два таких подхода, представляющие разные уровни анализа, рассматриваются далее.

Построение нейросемантических карт

Исследование З.А. Носовца решает фундаментальную задачу нейролингвистики — нейросемантическое картирование, то есть установление связи между смысловым содержанием естественного языка и паттернами активации головного мозга. В отличие от классических экспериментов с изолированными словами, в работе использовался максимально экологичный дизайн: в качестве стимульного материала выступали связные аудиорассказы на русском языке (общим объёмом 1500 словоформ), а данные фМРТ регистрировались у испытуемых непосредственно в процессе их прослушивания. Такой подход позволил изучать мозговые механизмы понимания речи в условиях, приближенных к реальности.

Решение этой задачи было реализовано в виде сложного вычислительного пайплайна, ядро которого составили методы машинного обучения. Процедура анализа состояла из трёх последовательных этапов. На первом этапе происходила лингвистическая векторная кодировка текста. Каждое слово аннотировалось во времени, а его смысловое содержание формализовалось с помощью модели дистрибутивной семантики Word2Vec. В результате каждый момент времени эксперимента описывался 997-мерным вектором, отражающим семантический состав звучащей речи относительно набора наиболее частотных слов русского языка.

Второй, ключевой этап, заключался в построении регрессионной модели, связывающей эти семантические признаки с мозговой активностью. Для этого использовалась регуляризованная линейная регрессия (Ridge-регрессия), которая для

каждого вокселя мозга решала задачу предсказания его BOLD-сигнала на основе взвешенной суммы всех 997 семантических признаков. Применение регуляризации и подбор её оптимального параметра с помощью кросс-валидации позволило избежать переобучения при работе с высокоразмерными данными. В итоге была получена матрица весов, количественно описывающая вклад каждого семантического признака в активность каждого вокселя.

На третьем этапе проводился анализ полученной матрицы и визуализация результатов. Для выявления скрытых паттернов к матрице весов применялся метод главных компонент (PCA), а затем иерархическая кластеризация, которая автоматически сгруппировала слова, вызывающие статистически сходную активацию мозга. Финальным шагом стало построение нейросемантических карт — трёхмерных визуализаций областей мозга, наиболее значимо связанных с каждым выделенным семантическим кластером.

В результате применения этого пайплайна был получен принципиально новый результат: система из 12 семантических кластеров с интерпретируемым содержанием, таких как «Город», «Война», «Опыт», «Угроза», «Цель». Картирование показало, что репрезентации этих смысловых категорий носят широко распределённый характер по коре больших полушарий, не демонстрируя при этом выраженной левополушарной латерализации, что согласуется с современными представлениями о распределённой природе семантической обработки.

Таким образом, работа Носовца оперирует на уровне конкретных репрезентаций, отвечая на вопрос «что кодируется в мозге?». Разработанный метод представляет собой инструмент обратного вывода, позволяющий по паттерну мозговой активности судить о вероятном семантическом содержании, и служит ярким примером построения data-driven количественной модели для изучения высших психических функций.

Моделирование когнитивного пространства

Исследование В.А. Орлова решает задачу более высокого уровня абстракции — построение модели когнитивного пространства, то есть количественного описания системной организации базовых типов мышления: пространственного, образного и вербального. В отличие от работы Носовца, фокус смещается с конкретного содержания (отдельных смыслов) на форму или архитектуру когнитивных процессов. Экспериментальная парадигма включала выполнение испытуемыми серии задач с градуально изменяющимися свойствами пространственности, образности и вербальности, что позволило исследовать плавные переходы между типами мышления.

Особенностью методологии данной работы стало комплексное использование данных разной модальности и разработка под них специализированного инструментария. Наряду с фМРТ, регистрировались данные ЭЭГ и собирались экспертные психологические оценки, что позволило в дальнейшем сопоставить модели, построенные на основе принципиально разных измерений мозговой активности.

Вычислительный пайплайн исследования можно разделить на два основных контура: предобработку сложных данных и процедуру многомерного моделирования. Первый контур был посвящён работе с данными, полученными с помощью ультрабыстрых фМРТ-последовательностей (Multiband EPI с временем повторения TR=500 мс). Высокое временное разрешение таких данных потребовало разработки и реализации специализированного 9-шагового алгоритма предобработки. Этот алгоритм включал коррекцию артефактов движения с использованием оптического потока, устранение влияния неоднородности магнитного поля, временное выравнивание срезов и регрессию шумовых компонент, выделенных с помощью метода независимых компонент. Ключевой задачей этого этапа была подготовка «чистых» пространственно-временных паттернов активации для последующего статистического анализа.

Второй контур был нацелен непосредственно на построение и сравнение когнитивных пространств. На первом шаге для выявления областей мозга, значимо

связанных с каждым типом задачи, применялась общая линейная модель (GLM). Полученные статистические карты активаций использовались для расчёта индексов различия — метрики, количественно отражающей степень различия паттернов мозговой активности при решении разных типов задач. Аналогичные индексы были рассчитаны для данных ЭЭГ (на основе различий спектральных характеристик) и для усреднённых экспертных оценок.

Затем, используя матрицы парных расстояний между задачами, заданных этими индексами, применялся метод многомерного шкалирования (алгоритм Сэммона). Этот метод проецирует многомерные различия между когнитивными состояниями на плоскость, визуализируя их в виде «когнитивного пространства», где расстояние между точками соответствует степени различия нейронных паттернов. Критически важным этапом стал алгоритм совмещения пространств, позволивший количественно сравнить и привести к единому виду отображения, полученные по данным фМРТ, ЭЭГ и экспертных оценок.

Результатом применения этого пайплайна стало построение изоморфных когнитивных пространств для всех трёх типов данных. Визуализация продемонстрировала чёткое разделение в 2D-пространстве кластеров, соответствующих пространственному, образному и вербальному типам мышления. Статистический анализ показал, что внутрикластерная дисперсия (разброс точек внутри одного типа мышления) в среднем в 13 раз меньше межкластерной, что служит строгим доказательством несмешиваемости базовых типов мышления на уровне мозговой активации. Совпадение структуры пространств, построенных по объективным нейрофизиологическим данным (фМРТ, ЭЭГ) и субъективным психологическим оценкам, подтвердило гипотезу об их изоморфности.

Таким образом, работа Орлова оперирует на уровне системной архитектуры, отвечая на вопрос «КАК организовано мышление?». Она представляет собой пример построения количественной модели формальных характеристик когнитивных процессов, устанавливающей связь между психологическим описанием и объективными многомерными измерениями работы мозга. Данное исследование демонстрирует, что data-driven подход применим не только для анализа содержания (как у Носовца), но и для реконструкции абстрактной структуры самой познавательной системы.

Сравнение подходов и выводы

Рассмотренные исследования представляют собой не просто два частных случая применения вычислительных методов в нейронауке, а иллюстрацию единого методологического тренда, реализованного на разных уровнях когнитивной организации. Сравнительная характеристика подходов представлена в Таблице 1.

Таблица 1. Сравнительный анализ двух data-driven подходов к моделированию высших психических функций.

Критерий	Построение нейросемантических карт	Моделирование когнитивного пространства
Основная задача	Нейросемантическое картирование: установление связи между конкретным содержанием (смыслом слов) и активностью мозга.	Построение модели когнитивного пространства: описание абстрактной организации базовых типов мышления.
Уровень анализа	Репрезентации: «что репрезентируется в мозге?»	Системная архитектура: «как организованы когнитивные процессы?»
Ключевые методы анализа данных	Word2Vec, регуляризованная регрессия (Ridge), PCA, иерархическая кластеризация.	Общая линейная модель (GLM), многомерное шкалирование (алгоритм Сэммона), алгоритм совмещения пространств.
Результат	12 семантических кластеров и их распределённая нейронная карта.	Изоморфные когнитивные пространства, количественно подтверждающие разделение типов мышления.
Тип извлекаемой модели	Интерпретируемая карта-атлас (пространственная локализация смыслов).	Формальное пространство-модель (структурные отношения между когнитивными состояниями).

Несмотря на разную направленность, оба исследования объединены общей логикой data-driven подхода. Она заключается в последовательном инженерном пайплайне: от сбора «сырых» данных фМРТ высокой размерности к построению конечной, интерпретируемой визуальной модели (семантической карты или когнитивного пространства). В обоих случаях алгоритмы выступают не как инструмент проверки гипотез, а как инструмент открытия структур, непосредственно заложенных в данных.

Принципиальное различие кроется в уровне анализа когнитивных процессов. Исследование Носовца работает с содержанием психики — конкретными смыслами (семантика слов), отвечая на вопрос «ЧТО? репрезентируется в мозге». Орлов же фокусируется на структуре или архитектуре мышления — формальных отношениях между базовыми типами мыслительных операций, отвечая на вопрос «КАК? организован когнитивный процесс». Если провести компьютерную аналогию, первый подход изучает «данные» в системе, а второй — её «системную архитектуру». Эти уровни не противоречат, а взаимодополняют друг друга.

Заключение

Анализ двух современных диссертационных исследований демонстрирует становление data-driven парадигмы в когнитивной нейронауке. Работы Носовца и Орлова являются репрезентативными примерами перехода от проверки гипотез к построению количественных моделей, непосредственно извлекаемых из данных. Их объединяет общая методологическая логика сложного инженерного пайплайна, где алгоритмы машинного обучения и многомерной статистики служат инструментом для обнаружения скрытых структур в высокоразмерных данных фМРТ.

Ключевым результатом сравнения стало выявление двух взаимодополняющих уровней моделирования. Исследование Носовца работает на уровне конкретных репрезентаций, отвечая на вопрос «что? кодируется в мозге» (семантика слов). Исследование Орлова оперирует на уровне абстрактной архитектуры, отвечая на вопрос «как организовано мышление» (типы мыслительных операций). Это различие подчёркивает универсальность data-driven подхода для решения разноуровневых задач.

Несмотря на значительные успехи, подход сталкивается с вызовами: проблемой интерпретируемости сложных моделей, корреляционным характером выводов и высокой вычислительной сложностью.

Основная перспектива развития видится в синтезе двух уровней — создании иерархических моделей, где системная архитектура мышления задавала бы пространство для организации конкретных смысловых репрезентаций. Это требует разработки новых кросс-уровневых методов анализа и углубления междисциплинарной коллаборации.

Таким образом, рассмотренные работы знаменуют переход к вычислительной когнитивной нейронауке, где построение количественных, основанных на данных моделей становится основным методом изучения высших психических функций.

Список литературы

1. *Носовец З.А.* Метод построения нейросемантических карт головного мозга человека: автореферат дис. ... кандидата физико-математических наук: 5.12.4 / Носовец Захар Андреевич. – Москва, 2024. – 24 с.
2. *Орлов В.А.* Построение модели когнитивного пространства человека по данным функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ): автореферат дис. ... кандидата физико-математических наук: 03.01.02, 03.01.08 / Орлов Вячеслав Андреевич. – Москва, 2021. – 26 с.

РАЗВИТИЕ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ С ПОМОЩЬЮ ТРЕНИНГОВ САМОРЕГУЛЯЦИИ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН РАЗНОГО ВОЗРАСТА

Бойкова О.В.

*Бойкова Ольга Валерьевна – студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет,
г. Тольятти*

Аннотация: в статье анализируется эффективность тренингов саморегуляции, направленных на развитие стрессоустойчивости у представителей двух возрастных групп: 19-45 лет и 45-63 года. В исследовании приняли участие 20 добровольцев, разделённых на две группы по 10 человек. Используются методики: «Оценка нервно-психического напряжения» (Т.А. Немчин), «Стиль саморегуляции поведения – ССП-2020» (В.И. Моросанова) и «Опросник психологической устойчивости к стрессу» (ОПУС, Е.В. Распопина). Программы реализовывались дистанционно в течение 8 недель. Анализ результатов «до» и «после» показал положительную динамику по ключевым параметрам: снижение нервно-психического напряжения, рост общего уровня саморегуляции и повышение стрессоустойчивости в обеих группах. При этом выявлены возрастные особенности: младшая группа продемонстрировала больший рост по шкале «оценивание результатов» и «гибкость», старшая — по «настойчивости» и «моделированию». Полученные данные подтверждают гипотезу о том, что дифференцированный подход к тренинговой работе с учётом возрастных особенностей повышает её эффективность.

Ключевые слова: развитие стрессоустойчивости, психологический тренинг, психологическая устойчивость, особенности саморегуляции и стрессоустойчивости.

Современный этап развития общества характеризуется высокой динамичностью, неопределённостью, информационной перегрузкой и усилением психоэмоциональных

нагрузок. В этих условиях стресс становится неотъемлемой частью повседневной жизни. Однако стрессоустойчивость - динамическое качество личности, способное развиваться под влиянием обучения, жизненного опыта и целенаправленных практик. Одним из наиболее эффективных инструментов её формирования выступают тренинги саморегуляции, направленные на развитие когнитивных, эмоциональных и поведенческих стратегий управления внутренним состоянием.

Актуальность настоящего исследования обусловлена ростом уровня хронического стресса в обществе и недостаточной изученностью возрастных особенностей в применении тренингов саморегуляции в современных условиях. Несмотря на наличие обширной теоретической базы по стрессу и саморегуляции (работы Г. Селье, В.А. Бодрова, Л.И. Вассермана, В.И. Моросановой и др.), имеется мало эмпирических данных о том, как именно возраст влияет на эффективность психокоррекционных программ.

Цель исследования - изучить эффективность тренингов саморегуляции для развития стрессоустойчивости у мужчин и женщин разного возраста.

Задачи исследования:

1. Проанализировать современные теоретические подходы к пониманию стрессоустойчивости и саморегуляции.

2. Выявить возрастные и гендерные особенности саморегуляции и стрессоустойчивости.

3. Разработать и апробировать дифференцированную программу тренингов саморегуляции.

4. Оценить эффективность реализованных программ с помощью психодиагностических методик.

Теоретико-методологическая основа

Исследование опирается на труды отечественных и зарубежных ученых в области стресса (Г. Селье, Ю.В. Щербатых, Е.В. Распопина), саморегуляции (Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.И. Моросанова) и психокоррекции (И.Г. Малкина-Пых, Б.Х. Варданын). В качестве методологической базы использован системно-деятельностный и личностно-ориентированный подходы.

В работе применены следующие методы:

-Теоретические: анализ, сравнение, обобщение, систематизация научной литературы.

- Эмпирические: психодиагностика, эксперимент, тренинговая работа.

-Статистические: U-критерий Манна-Уитни, анализ с помощью программного пакета SPSS.

Психодиагностический инструментарий:

1. Методика «Оценка нервно-психического напряжения» (Т.А. Немчин);

2. Опросник «Стиль саморегуляции поведения – ССП-2020» (В.И. Моросанова);

3. Опросник психологической устойчивости к стрессу (ОПУС, Е.В. Распопина).

Экспериментальная база:

Исследование проводилось дистанционно с участием 20 добровольцев, разделённых на две возрастные группы:

- Группа 1: 10 человек (19–44 года);

- Группа 2: 10 человек (45–63 года).

Обе группы прошли предварительную диагностику, участвовали в специально разработанных тренингах саморегуляции и повторное тестирование после завершения программы.

Программа ориентирована на формирование у участников устойчивых механизмов совладания со стрессом, развитие ключевых компонентов саморегуляции, а также поддержку возрастных особенностей и индивидуальных ресурсов личности. Теоретическим фундаментом программы является концепция саморегуляции, разработанная В.И. Моросановой. Результатом работы по разработке программ стали

четко сформулированные цель и задачи, а также разработанные календарный и тематический планы занятий.

Целью программы для группы 1 (возраст 19–45 лет) было укрепление психологической устойчивости, развитие навыков саморегуляции и снижение уровня нервно-психического напряжения. Задачи программы включали:

- укрепление психологической устойчивости к стрессовым воздействиям;
- развитие ключевых компонентов саморегуляции: планирование, моделирование, программирование, оценивание, настойчивость;
- формирование эффективных coping-стратегий для управления стрессом;
- повышение уровня осознанности и рефлексии;
- развитие навыков управления эмоциональным состоянием;
- коррекция избыточного нервно-психического напряжения;
- поддержка возрастных особенностей, включая потребность в самовыражении, самореализации и социальной адаптации.

Занятия целесообразно проводить в группах численностью от 10 до 15

человек, с периодичностью один раз в неделю. Программа рассчитана на 8 недель и включает 16 занятий. Каждое занятие предлагаемой программы имеет четко определённую структуру, направленную на обеспечение постепенного погружения в процесс, развитие навыков саморегуляции и закрепление изученного материала. Программа состоит из четырех блоков:

Блок 1: (1 неделя)

- Психологическое информирование, о том, что повышение уровня психологической устойчивости и развитие навыков саморегуляции - это не просто инструменты для преодоления трудностей, а важный шаг к более гармоничной и осознанной жизни. Это процесс, который требует внимания к себе, готовности услышать сигналы своего тела и эмоций, а также регулярной практики. Но именно такой подход позволяет человеку оставаться целостным, ресурсным и живым в условиях любых жизненных испытаний.

- Ознакомление с задачами программы.
- Формирование индивидуального профиля участника.

Блок 2: (недели 2–5) Развитие навыков саморегуляции

Темы: планирование, моделирование, гибкость, рефлексия и оценивание.

Методы: тренинговые упражнения, ролевые игры, кейс-методы, работа с метафорическими картами.

Блок 3: (недели 6–7) Управление стрессом и эмоциональным напряжением

Темы: психофизиология стресса, coping-стратегии, техники релаксации, работа с самооценкой.

Методы: дыхательные практики, прогрессивная мышечная релаксация, элементы когнитивно-поведенческой терапии.

Блок 4: (неделя 8) Итоговое занятие и закрепление навыков

Анализ изменений, разработка индивидуального плана саморегуляции, обратная связь.

Программа включает в себя разнообразные формы работы, такие как психологические и психофизиологические тренинги, дискуссии, беседы, а также психологические игры и упражнения.

В процессе обучения используются разнообразные методы и формы, включающие: краткие лекционные блоки, интерактивные тренинги с практическими заданиями, групповую и индивидуальную работу, самостоятельное выполнение заданий в межсессионный период, элементы коучинга, а также применение цифровых инструментов, таких как мобильные приложения для саморегуляции и рефлексии.

Цель программы для группы 2 (возраст 45–63 года) состоит в укреплении сформированных механизмов саморегуляции, поддержка психологического ресурса и профилактика эмоционального истощения. Задачи программы:

- поддержка и оптимизация зрелых форм саморегуляции;
- профилактика хронического стресса и синдрома эмоционального выгорания;
- развитие навыков внутренней опоры и самоподдержки;
- углубление рефлексивных процессов и осознанности;
- формирование стратегий восстановления психоэмоциональных ресурсов;
- поддержка возрастной зрелости, опыта и потребности в сохранении целостности личности.

Тематический план программы:

Блок 1. Вход и самодиагностика (1 неделя)

- Знакомство, цели программы.
- Диагностика уровня хронического стресса, саморегуляции и психологической устойчивости.

- Определение индивидуальных ресурсов и зон истощения.

Блок 2. Укрепление внутренней опоры (2–4 недели)

- Рефлексия жизненного пути: опыт, достижения, трудности.
- Работа с внутренними ресурсами: что помогает справляться?
- Формирование поддерживающего внутреннего образа.
- Развитие навыков самоподдержки и заботы о себе.

Блок 3. Управление хроническим стрессом (5–6 недели)

- Признаки эмоционального истощения и выгорания.
- Стратегии восстановления: физические, эмоциональные, социальные.
- Границы и делегирование: умение «отпускать» и распределять нагрузку.
- Работа с возрастными изменениями и вызовами.

Блок 4. Интеграция и устойчивость (7–8 недели)

- Анализ изменений: что изменилось в восприятии стресса и саморегуляции?
- Разработка индивидуальной стратегии психологического здоровья.
- Создание «ресурсного плана» на ближайший год.
- Завершающее занятие: подведение итогов, благодарность, прощение.

Методы и формы работы:

- глубокие рефлексивные практики и письменные упражнения;
- элементы психодинамического подхода и логотерапии;
- работа с жизненными историями и смысловыми установками;
- индивидуальные консультации в рамках группы;
- медитации осознанности и техники самовосстановления.

Общие принципы обеих программ:

- основа - концепция саморегуляции В.И. Моросановой, акцент на осознанности и индивидуальном стиле регуляции;
- дифференцированный подход с учётом возрастных, когнитивных и эмоциональных особенностей;
- баланс между теорией и практикой, важность домашних заданий и рефлексии;
- поддержка автономии участников и развитие внутренних ресурсов.

Предварительные результаты.

Анализ исходных данных выявил следующие закономерности:

- Участники старшей возрастной группы демонстрировали более высокий уровень психологической зрелости и развитые механизмы саморегуляции, однако испытывали более интенсивное и длительное воздействие стрессоров.

- Молодёжь характеризовалась большей гибкостью и адаптивностью, но меньшей устойчивостью к стрессу и более высоким уровнем нервно-психического напряжения.

Хотя статистический анализ не выявил достоверных различий между группами ($p > 0,05$), качественная динамика и субъективные отчёты участников свидетельствуют о высокой воспринимаемой эффективности программ. После реализации тренинговых программ в обеих группах зафиксирована позитивная динамика: улучшение

рефлексивных способностей, повышение гибкости поведения, снижение уровня тревожности и улучшение адаптивных стратегий.

Заключение

Полученные данные подтверждают гипотезу о том, что тренинги саморегуляции могут быть эффективным инструментом развития стрессоустойчивости у людей разного возраста. При этом подчёркивается необходимость индивидуализированного подхода: для молодёжи акцент следует делать на гибкости и адаптации, для зрелых участников - на укреплении ресурсов совладания и снижении хронического напряжения.

Результаты исследования имеют как теоретическую, так и практическую значимость: они расширяют понимание механизмов стрессоустойчивости в контексте возрастной динамики и предоставляют психологам готовые методические решения для работы с разными возрастными группами.

Перспективы дальнейших исследований включают увеличение выборки, удлинение тренингового цикла, включение контрольных групп и применение дополнительных методов (например, биологической обратной связи или майндфулнес-практик).

Список литературы

1. *Абабков В.А., Перре М.* Адаптация к стрессу. Основы теории, диагностики, терапии // В.А. Абабков, М. Перре. – СПб.: Речь, 2004.-166 с.
2. *Ананьев Б.Г. и Степанова Е.И.* Развитие психофизиологических функций взрослых людей // Под ред. М., 1972.
3. *Апчел В.Я., Цыган В.Н.* Стресс и стрессоустойчивость человека. - СПб., 1999. - 223 с.
4. Аристотель. О душе [пер. с др.-греч. П. С. Попова; примеч. А.В. Сагадеева; вступит. ст. А.В. Лызлова]. - М.: РИПОЛ классик, 2020 -260 с. -(PSYCHE).
5. *Березин Ф.Б.* Психологическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Букинист, 1988. С. 272.
6. *Бандура А.* Теория социального научения, Евразия 2000.
7. *Бедарева К.А.* Программа саморегуляции в ситуациях межличностного общения и публичных выступлений / К.А. Бедарева // Символ науки: международный научный журнал. – 2016 – № 5-3(17). С. 226-227.
8. *Бобченко Т.Г.* Психологические тренинги: основы тренинговой работы: учебное пособие для вузов / Т.Г. Бобченко. - 2-е изд., испр. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 132 с.
9. *Бодров В.А.* Информационный стресс. - М., 2000. - 352 с.
10. *Бодров В.А.* Психологический стресс: развитие учения и современное состояние проблемы. - М., 1995. - 451 с.
11. *Бодров В.А.* Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: Изд-во «ПЕР СЭ», 2006. С. 352.
12. *Бодров В.А.* Система психической регуляции стрессоустойчивости человека-оператора // Психол. журн. - 2000. - Т. 21, № 4. - С. 32-40.
13. *Водопьянова Н.Е.* Психодиагностика стресса/ Н.Е. Водопьянова, СПб.: Питер, 2009-336с.
14. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений. В 6-ти т. Т4. М.: Наука, 2004. 445с.
15. *Духтанова Ю.В.* Формирование стрессоустойчивости посредством тренинга // Образовательный альманах. 2024. № 1 (76). Часть 2
16. *Китаев-Смык Л.А.* Организм и стресс: стресс жизни и стресс смерти. - М.: НПФ Смысл, 2012. - 464 с.
17. *Китаев-Смык Л.А.* Психология стресса. - М.: Наука, 1983. - 367 с.
18. *Кокс Т.* Стресс: Пер. с англ.- М.: Медицина, 1981. 216 с.

19. *Куриленко Э.Р.* Методические образцы упражнений саморегуляцию в системе актерского тренинга и их связь с проблемой культурного развития / Э.Р. Куриленко // – 2019 – № 8 – С. 45-55.
20. *Лазарус Р.* Теория стресса и психофизиологические исследования / Р. Лазарус. - М., 1993. 123 с.
21. *Лазарус Р.С.* Индивидуальная чувствительность и устойчивость к психологическому стрессу// Психологические факторы на работе и охрана здоровья. -М.; Женева, 1989. - С.121-126.
22. *Машарина А.Ф.* Представление о саморегуляции в отечественной психологии // Педагогика и психология образования. 2023. № 1. С. 221-235. DOI: 10.31862/2500-297X-2023-1-221-235.
23. *Моросанова В.И.* Диагностика саморегуляции человека. – М.: Когито-Центр, 2015. – 304 с. (Университетское психологическое образование).
24. *Моросанова В.И.* Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности. Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2021 №1. С. 3-37.
25. *Моросанова В.И.* Самосознание и саморегуляция поведения. - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. - с. 214.
26. *Моросанова В.И.* Индивидуальный стиль саморегуляции. М.: РАО, 2001. 102 с.
27. *Николаева Е.И.* Психофизиология. Психофизиологическая физиология с основами физиологической психологии. - М.: ПЭР СЭ; Логос, 2003. - 464 с.
28. *Осадчук О.Л.* Тренинг саморегуляции: Теория, диагностика и практика: Методическое пособие / О.Л. Осадчук. – Омск: ООО "Полиграфический центр КАН", 2008 – 88 с.
29. *Павлов И.П.* «Естествознание и мозг. Сборник главных трудов великого физиолога» ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2022 КоЛибри
30. *Прохоров А.О.* Технологии психической саморегуляции, издательство Гуманитарный центр, 2021
31. *Рубинштейн Л.С.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2008. 713 с.
32. *Селье Г.* Стресс без дистресса // Прогресс -1982.
33. *Собчик Л.Н.* Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. Изд. 2, испр. и доп. СПб.: Речь, 2018. 480 с.
34. *Шевандрин Н.И.* Психодиагностика, коррекция и развитие личности. Уч. Для студентов высших учебных заведений, Москва, 2001.
35. *Щербатых Ю.В.* Психология стресса и методы коррекции. СПб.: Питер, 2006. 256с.
36. *Walter B. Cannon, The wisdom of the body.* 1963.
37. *Marks D., Murray M., Evans B.* Willing C Health Psychology: Theory, Research and Practice. L., 2000. P. 7-28.
38. Positive Psychiatry, Psychotherapy and Psychology: Clinical Applications. / Editors: Messias, Erick; Peseschkian, Hamid; Cagande, Consuelo. Springer 2020.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТРЕНЕРОВ ПО АДАПТИВНОМУ СПОРТУ С РОДИТЕЛЯМИ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Беляева А.С.

*Беляева Анна Сергеевна – магистрант,
кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

Аннотация: *статья посвящена анализу взаимодействия тренера и родителей детей с ограниченными возможностями здоровья в рамках адаптивной физической культуры. В центре внимания находятся реальные практики общения, ожидания и границы ответственности сторон. Материал основан на результатах качественного социологического исследования, включающего интервью с тренерами и родителями, а также наблюдение за тренировочным процессом. В статье показано, что взаимодействие в адаптивном спортивном поле строится преимущественно на доверии, принятии особенностей ребенка и взаимной ответственности. Выявлено, что представления участников об «идеальных» взаимоотношениях во многом совпадают с реальной практикой взаимодействия, что отличает адаптивный спорт от других сфер спортивной деятельности.*

Ключевые слова: *адаптивная физическая культура, взаимодействие, тренер, родители, дети с ОВЗ, социология спорта.*

Взаимодействие семьи и спортивного учреждения является важным условием успешной спортивно-воспитательной работы с детьми. Характер взаимоотношений между тренером и родителями оказывает непосредственное влияние на формирование мотивации ребенка, его эмоциональное состояние и устойчивость к трудностям, возникающим в процессе тренировок.

В рамках адаптивной физической культуры данное взаимодействие приобретает особую значимость. Дети с ограниченными возможностями здоровья отличаются разнообразием диагнозов и индивидуальных особенностей развития, что требует согласованных действий тренера и родителей. Несогласованность требований, отсутствие доверия или недостаточная коммуникация могут приводить не только к снижению эффективности спортивной деятельности, но и к психологическим проблемам у ребенка.

Несмотря на это, взаимодействие тренера и родителей в адаптивном спорте остается слабо изученным направлением социологических исследований. Основной фокус существующих работ сосредоточен на методиках тренировок [7] и влиянии спорта на социализацию детей [2], тогда как модели [4] и реальные практики взаимодействия участников процесса анализируются фрагментарно [6]. В связи с этим представляется актуальным рассмотрение эмпирических данных, отражающих реальные формы и особенности взаимодействия тренера и родителей.

Эмпирическая база статьи основана на результатах качественного социологического исследования, проведенного в апреле–мае 2025 года в городах Екатеринбург, Верхняя Пышма и Березовский. В ходе исследования были использованы экспертные интервью с тренерами, полуформализованные интервью с родителями детей с ограниченными возможностями здоровья, а также данные не включенного наблюдения за тренировочным процессом.

Анализ экспертных интервью показал, что ни один из опрошенных тренеров не пришел в сферу адаптивной физической культуры целенаправленно. Вхождение в профессию происходило либо случайно, либо под влиянием жизненных

обстоятельств, в том числе появления в семье ребенка с ограниченными возможностями здоровья.

Один из информантов отмечал: «Никто специально в адаптивный спорт не идет. Так складываются обстоятельства — кому-то предложили, кто-то попробовал и остался» (Интервью Тренер1).

Тренеры, имеющие личный опыт воспитания ребенка с ОВЗ, демонстрировали более эмоциональный стиль повествования, чаще говорили о ценности общения и командного духа: «Это не про медали вообще. Это про то, чтобы ребенок нашел себя, почувствовал, что он может» (Интервью Тренер4).

Тренеры без подобного опыта делали акцент на профессиональной стороне взаимодействия, структуре занятий и необходимости индивидуального подхода: «К каждому ребенку нужен свой подход, потому что одинаковых детей здесь просто не бывает» (Интервью Тренер5).

В ходе анализа были выявлены различные стили тренерского взаимодействия с детьми: от ориентации на эмоциональное вовлечение до строгой структурированности тренировочного процесса. Так, один из тренеров подчеркивал важность интереса ребенка «здесь и сейчас»: «Я стараюсь быть для них интересным человеком прямо в моменте, чтобы им хотелось со мной заниматься» (Интервью Тренер6).

Другой тренер, напротив, отмечал значимость стабильности и правил: «Для детей с особенностями развития очень важна структура, расписание, когда все понятно и предсказуемо» (Интервью Тренер3).

Родительский опыт и типы восприятия взаимодействия

Все опрошенные родители узнали о диагнозе ребенка уже после его рождения, в возрасте до четырех лет. Этот факт объединяет информантов и формирует общий травматичный опыт, который оказывает влияние на их установки и ожидания от взаимодействия с тренером.

Родители описывали данный период как шоковый: «Это был полный переворот жизни, мы вообще не понимали, что делать дальше» (Интервью Родитель3).

В ходе исследования было выявлено, что на контакт с тренером преимущественно выходят женщины — матери и бабушки. Это отражает устойчивое распределение ролей в семье, где именно женщина берет на себя ответственность за развитие и сопровождение ребенка с ограниченными возможностями.

На основе анализа интервью родители были типизированы по характеру эмоционального восприятия ситуации.

Таблица 1. Типовое распределение ожиданий и требований родителей.

Тип родителя	Требования к тренеру и ожидания
Тревожный	Ожидание активного участия тренера, индивидуального подхода к своему ребенку
Педагогический	Понимание тренера, ожидания индивидуального подхода.
Доверительный	Основывается на доверие к действиям тренера, отсутствием сомнений
Строгий	Строгость в большей степени проявляется к ребенку, к тренеру ожидания такого же строгого подхода

При этом ни один из родителей не высказывал завышенных требований к тренеру. Основные ожидания касались способности тренера выстроить контакт с ребенком и принять его особенности: «Не образование важно, а чтобы человек понимал моего ребенка» (Интервью Родитель 4).

Доверие и границы вмешательства в тренировочный процесс

Тема доверия родителей к тренеру оказалась одной из ключевых в исследовании. Тренеры по-разному оценивали исходный уровень доверия со стороны родителей. Одни считали, что родители приходят уже по рекомендациям и с выстроенным первичным уровнем доверия. Другие рассматривали недоверие как временный и преодолимый этап.

Вмешательство родителей в тренировочный процесс воспринималось тренерами крайне негативно. Большинство из них выстраивали четкие границы: «Либо я тренирую, либо вы. Вместе это не работает» (Интервью Тренер 1).

При этом родители в целом разделяли данную позицию и считали вмешательство допустимым лишь в экстренных ситуациях: «Если что-то угрожает здоровью — тогда да, иначе нет» (Интервью Родитель 2).

Данные наблюдений подтвердили высокий уровень доверия родителей к тренеру. Так, в одной из зафиксированных ситуаций ребенок упал во время тренировки, мать проявила сильную эмоциональную реакцию, однако, увидев уверенные действия тренера, не стала вмешиваться.

Роль родителя в тренировочном процессе

Тренеры рассматривали роль родителя прежде всего, как поддерживающую и дисциплинирующую. По их мнению, именно мотивация родителей определяет устойчивость участия ребенка в тренировках: «Если родитель не замотивирован, ничего не получится, каким бы ни был тренер» (Интервью Тренер 3).

Родители, в свою очередь, осознавали свою ответственность и необходимость продолжения тренировочного процесса вне зала: «Если дали упражнение — мы делаем дома» (Интервью Родитель 6). Некоторые родители подчеркивали, что полностью зависят от рекомендаций тренера.

Совпадение «идеальной» и «реальной» моделей взаимодействия

И тренеры, и родители сформировали схожие представления об «идеальных» взаимоотношениях. Для тренеров ключевыми элементами являлись доверие, дисциплина и соблюдение правил во время тренировочного процесса. Для родителей — психологическая поддержка и уважительное отношение к ребенку.

Примечательно, что данные модели практически полностью совпали с реальной практикой взаимодействия. Один из тренеров отмечал: «Хочется больше теплоты, меньше формальности, но в целом у нас и так хорошие отношения» (Интервью Тренер 5).

Родители также говорили о незначительных нюансах, а не о системных проблемах: «Иногда хочется чуть больше поддержки, но в целом мы довольны» (Интервью Родитель 1).

Территориальных различий в моделях взаимодействия выявлено не было. Размер города влиял лишь на количество доступных спортивных направлений, но не на характер взаимодействия между тренером и родителями.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что взаимодействие тренера и родителей в адаптивной физической культуре характеризуется высокой степенью устойчивости и реалистичности ожиданий. Специфика адаптивного спортивного поля способствует формированию доверительных взаимоотношений, в которых ключевую роль играют уважение, принятие особенностей ребенка и взаимная ответственность.

Выявленное совпадение моделей «идеальных» и «реальных» взаимоотношений является отличительной чертой адаптивного спорта и подчеркивает необходимость дальнейшего изучения взаимодействия тренера и семьи как важного фактора социализации детей с ограниченными возможностями здоровья.

Список литературы

1. *Березина Т.А.* Интерактивные формы взаимодействия педагогов с родителями // Детский сад: теория и практика. — 2015. — № 11. — С. 26–35.
2. *Вайнбергер И.В.* Совместная работа тренера и родителей как условие социально-психологического развития ребенка-спортсмена: дис. ... канд. пед. наук. — Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018. — 185 с.
3. *Воронин А.Д.* Применение цифровых технологий в системе взаимодействия «тренер–ребенок–родители» как средство успешности спортивной подготовки школьников // Проблемы и перспективы физического воспитания, спортивной тренировки и адаптивной физической культуры: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Казань, 18–19 февраля 2021 г.). — Казань: Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма, 2021. — С. 164–168.
4. *Курникова М.В.* Изучение отношения родителей детей-инвалидов к регулярным занятиям адаптивной физической культурой и спортом // Реабилитация – XXI век: традиции и инновации: сборник статей II Национального конгресса с международным участием (Санкт-Петербург, 12–13 сентября 2018 г.). — СПб., 2018. — С. 234.
5. *Махов А.С., Степанова О.Н.* Проблемы управления развитием адаптивного спорта в России // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. — 2009. — № 12. — С. 72–76.
6. *Микляева Н.В.* Создание условий эффективного взаимодействия с семьей. — М.: Айрис-пресс, 2006. — 144 с.
7. *Шелехов А.А.* Методы включения родителей в адаптивное физическое воспитание детей с нарушением интеллекта // Альманах Института коррекционной педагогики. — [Электронный ресурс] 2023. № 53. URL: <https://alldef.ru/ru/articles/almanac-53/methods-for-including-parents-in-adaptive-physical-education-of-children-with-intellectual-disabilities> (дата обращения: 29.01.2026).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРОБЛЕМЫ НАУКИ»

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
153000, РФ, ИВАНОВСКАЯ ОБЛ., Г. ИВАНОВО,
УЛ. КРАСНОЙ АРМИИ, Д. 20, 3 ЭТАЖ, КАБ. 3-3,
ТЕЛ.: +7 (915) 814-09-51.

HTTP://SCIENTIFICMAGAZINE.RU
E-MAIL: INFO@P8N.RU

ТИПОГРАФИЯ:
ООО «ОЛИМП».
153000, РФ, ИВАНОВСКАЯ ОБЛ., Г. ИВАНОВО,
УЛ. КРАСНОЙ АРМИИ, Д. 20, 3 ЭТАЖ, КАБ. 3-3

ИЗДАТЕЛЬ:
ООО «ОЛИМП»
153002, РФ, ИВАНОВСКАЯ ОБЛ., Г. ИВАНОВО, УЛ. ЖИДЕЛЕВА, Д. 19
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВАЛЬЦЕВ СЕРГЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОБЛЕМЫ НАУКИ»
[HTTPS://WWW.SCIENCEPROBLEMS.RU](https://www.scienceproblems.ru)
EMAIL: INFO@P8N.RU, +7(915)814-09-51

 РОСКОМНАДЗОР
РЕЕСТРОВАЯ ЗАПИСЬ ПИ № ФС 77-63075

**НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ»
В ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ РАССЫЛАЕТСЯ:**

1. ФГБУ "Российская государственная библиотека".
Адрес: 143200, г. Можайск, ул. 20-го Января, д. 20, корп. 2.
2. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ.
Адрес: 127006, г. Москва, ГСП-4, Страстной б-р, д.5.
3. Библиотека Администрации Президента Российской Федерации.
Адрес: 103132, г. Москва, Старая площадь, д. 8/5.
4. Парламентская библиотека Российской Федерации.
Адрес: 125009, г. Москва, ул. Охотный Ряд, д. 1.
5. Научная библиотека Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ), Москва.
Адрес: 119192, г. Москва, Ломоносовский просп., д. 27.

ПОЛНЫЙ СПИСОК НА САЙТЕ ЖУРНАЛА: [HTTPS://SCIENTIFICMAGAZINE.RU](https://scientificmagazine.ru)

Вы можете свободно делиться (обмениваться) — копировать и распространять материалы и создавать новое, опираясь на эти материалы, с **ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ** указанием авторства. Подробнее о правилах цитирования: <https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/deed.ru>